

...что для этого мира?
 ...что он отнесет нам кроме
 ...болит не по кривой, вечных,
 ...настоящих, как в душу?
 ...Битая женщиной как клетка
 ...раба, как женщина, как
 ...мечта, как мечта, как лбу
 ...женщины, как мечта, как
 ...творь
 ...возвращая-на-авидеу,
 ...де-на-ви-ду!!

Нет выхода. РАЙДО ВИТИЧ
 Она ад, де там ад, где черти —

ОКНАФ

Женщина — тварь, ее можно пинать, ужимать,
 убивать, ее можно использовать, потому что
 она игрушка, ступенька, широта. — это угодно,
 но не кто угодно. И ее не стажет, у нее нет
 будущего кроме как быть рабыней этого
 гнилого общества, рабыней мужчины и
 этого мужского мира, где нет места сантиментам,
 нет места словам. Но есть выбор —
 жить по-раба или по-человеку.

Райдо Витич

Скиф

«Accent Graphics communications»

2012

Витич Р.

Скиф / Р. Витич — «Accent Graphics communications», 2012

Привычно выгуливая собаку промозглым осенним утром, Макс не знал, что оно станет поворотным в его жизни. Не подозревал он этого и тогда, когда заметил отвязного тинейджера в антураже гота, пропнувшего в канал чужой дневник. Черт дернул Смелкова подобрать тетрадь, а может сам дьявол порывом ветра распахнул перед ним исписанные листы, и заставил прочесть то, что он предпочел бы не ведать. Так или иначе, но история, запечатленная каллиграфическим женским почерком, не оставила ему выбора. Он начал поиски брутального юнца, чтобы найти хозяйку дневника, а нашел то, что не искал. Каждый шаг по страницам чужой трагедии все шире распахивал перед ним врата личного ада и все сильнее впутывал в жуткую историю любви и ненависти, верности и предательства, нежности и крайней жестокости...

© Витич Р., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Райдо Витич

Скиф

По данным МВД, в России ежегодно совершается 14–15 тыс. изнасилований только в 3 % случаев жертва подавала заявление в милицию, из чего следует, что 97 % случаев сексуального насилия остаются за рамками официальной статистики, особенно это касается подростков.

Практически каждая женщина, достигшая сорока лет, хотя бы один раз в жизни, была принуждена физической силой к совершению полового акта.

Пролог

Макс выгуливал Макса. Вдуматься – странно звучит – и пес и хозяин оба Максы, но ему нравилось.

Ноябрь трепал холодным ветром шерсть овчарке и лез под пальто мужчины. Максим попытался прикурить, но как назло, мало ветра еще и газ в зажигалке закончился. Мужчина огляделся в поисках – у кого огоньком разжиться. Взгляд выхватил единственную фигурку в это промозглое осеннее утро.

У парапета стоял продукт современности, этакое чудо молодежного нигилизма – мальчишка с прической ежа, весь в черном и шипастом: массивные грейдеры, куртка в клепках, цепи, серьга в ухе, обрезанные перчатки с внушительными набалдашниками на костяшках пальцев, и курил. Согни руку в кулак и пройдишь это счастье металлоломом по щеке – ни челюсти, ни зубов не соберешь.

Макс поежился и огляделся еще раз – может, кто другой с сигаретой мимо пройдет? Очень не хотелось тревожить рокера или как их там – черт его знает, как они себя позиционируют. Стоит, курит, но даже со спины вызывает ощущение тревоги и отторжения.

Но видно не для Макса – собака рванула поводок, направляясь к парню.

– Макс! – предостерег хозяин. Парень обернулся на голос, ожег взглядом собаку так, что та осела и уши прижала.

«Попроси у такого подкурить»... – поежился опять мужчина, выше поднял воротник пальто и все же решился, подошел:

– Огонька не будет?

Мальчишка взглядом не удостоил – молча протянул маленькую гранату-зажигалку.

Ох, и детки, – подумал про себя Максим. А впрочем, какое ему дело?

Подкурил, отдал и... почему-то не ушел. Пара затяжек и дошло – руки парня, пальцы. Взгляд мужчины вновь прошел по фигуре незнакомца и натолкнулся на колючий, жуткий в своей непонятной злости взгляд:

– Тебе чего?

Голос ожег не меньше взгляда – глухой, низкий, рокочущий. Макс головой качнул: что на ум пришло?

– Ничего, извини.

– Тогда топай, – процедил парень, не столько советуя, сколько угрожая.

Было бы иначе, Максим бы не стал упираться, но пасовать перед малолеткой?

– Чего злой такой?

Парень развернулся к нему, выказывая потрепанную майку с линялыми черепами на груди и, оглядел с ног до головы:

– Дядя, я тебя знаю?

– Вряд ли.

– Значит текилу на брудершафт не пили, одну девку на двоих не пялили, и ты меня не крестил, на горшок в детстве не садил?

Макс прищурился, не зная, что ответить.

– Нет, – вышло неуверенно, даже до противности робко.

– Вот и топай! – уже прошипел парень, качнувшись к его лицу.

Он явно нарывался, но видимо понял по взгляду Максима, что не на того напал и отправил щелчком сигарету за парапет, пнул какую-то тетрадь в расщелину меж прутьев, отправляя в дальний полет навстречу воде. И, оправив лямку сумки-торбы на плече, чуть сторбившись попер по улице прочь.

Макс нахмурился, глядя ему вслед – встретишь такого с утра – весь день не задастся.

Глянул вниз – тетрадка гота, или как там еще себя называют эти чучела, валялась на ступенях к воде. Не докинул, случайно обронил? Свин, конечно, но...

Мужчина спустился и поднял тетрадь. Она была довольно большой, пухлой – конспекты? Притомила учеба юного любителя пива, марихуаны и детруа до утра? Успеет его нагнать и отдать?

И усмехнулся – может и успеет, но, наверное, получит скорее по зубам, чем «спасибо».

Макс согласно тьякнул у ног хозяина.

– Замерз? – подмигнул своему другу мужчина. Тот взвизгнул и рванул вверх по ступеням, намекая – идем домой. И то верно, пора греть старые кости «немца», да и свои не мешает. Впечатлений на сегодняшнее утро достаточно.

И взбежал за собакой наверх, размахнулся, чтобы выкинуть поднятое. Но тетрадь распахнулась и упала у ног мужчины, прилетев обратно под порывом ветра. Открывшиеся белые листочки были исписаны мелким, ровным почерком, не мужским – женским. Слишком нежно были выведены буквы, слишком округло. Взгляд мужчины устремился в ту сторону, куда ушел забияка тинейджер. Неужели этот придурок украл у какой-нибудь дурашки ее личный дневник или анкету, которые девчонки так любят заводить?

Макс попытался подобрать тетрадь, но мужчина не дал:

– Оставь! – кто знает, возможно, хозяйка будет расстроена из-за утери. Наверное, стоит написать объявление, что пропажа найдена.

Только знать бы хоть у кого или в каком районе, в каком училище, техникуме или школе это «богатство» стянуто?

Взгляд упал на строчки: *«Кто мы для этого мира? Что он отмерял нам кроме боли и непонимания, вечных, постоянных пинков в душу? Быть женщиной как клеймо раба, быть женщиной, как иметь приклеенный ко лбу ценник. Ты никто, ты ничто, ты игрушка, ты тварь безголосая. Ненавижу. Не – на – ви-жу!!!*

Нет выхода. Нет прав. Нет жизни. Она ад. Не там ад, где черти – там он, где люди.

Женщина первая проклята в этом мире. Не разобраться почему. Так сказала церковь, так воспитали поколения и поколения. Женщина – тварь. Ее можно пинать, унижать, убивать, ее можно использовать, потому что она игрушка, ступенька, ширма, – что угодно, но не кто угодно. И ее не станет. У нее нет будущего кроме, как быть рабыней этого гнилого общества, рабыней мужчины и этого мужского мира, где нет места сантиментам, нет места слабым. Но есть выбор – жить по гребанным правилам этого гребанного мира или умереть. Лучше умереть. Ничего нового я все равно не узнаю, а что узнаю – не стоит того, чтобы узнать.

Все-таки смерть это награда. Он считал, что я ее еще не заслужила и обрек меня на жизнь. Это садизм, самый изощренный. Но вполне понятный – он – мужчина и иначе с женщиной поступить не мог. Он слишком жесток. Но прав, потому что право за ним – за мужчиной. А у меня нет этих прав, потому что я женщина и мне уготована лишь бездна – быть игрушкой мужчины, чем-то несерьезным, средним между кухонным комбайном и презервативом. Не принимаешь правила, не согласна – принудят, заставят, согнут. А я не хочу, я больше не хочу быть одноразовым изделием, существом, а не человеком. У меня есть душа, и я такой же человек, как мужчина. Нет, не хочу быть ничтожеством, не хочу быть использованной по нужде. Но выбор небогат – либо так, либо никак. Либо принимаешь правила этой игры либо не принимаешь.

Не приму, не вижу смысла, не хочу. Значит выбор однозначен.

Теперь мне самой придется ставить точку. Я смогу».

Макс задумчиво посмотрел на скулившего у его ног пса, который извелся от нетерпения вернуться домой, но мысли были не о нем – о хозяйке дневника. Теперь не было сомнений – это дневник. Но мужчина и подумать не мог, что стал косвенным свидетелем чьей-то трагедии. А

что трагедии – не сомневался. Слишком тяжело стало на душе от прочитанных фраз, слишком явно веяло от них безысходностью на грани отчаянной злости, той самой, когда человек на грани и каждая мелочь может толкнуть его в бездну небытия. Это было знакомо ему, слишком знакомо...

Макс пошел в сторону дома, решив, что должен найти девочку и помочь ей, хотя бы предотвратить задуманное.

В душе нарастал холод ярости на парня, что так запросто пнул чужие мысли в воду, так просто и легко растер чью-то жизнь. Молодой, тупой? Нет, скорее избалованный, потому озлобленный и в этом ожесточении нарочитом, фальшивом, он сам казался Максиму призраком чужих грехов. Впрочем, что кривить душой перед самим собой? И его грехов тоже.

Мужчина отцепил поводок, вымыл лапы Макса. Сварил себе кофе и разложил на столе дневник. Нужно от силы час, чтобы прочесть по диагонали и возможно найти в тексте зацепки, где искать хозяйку. Черт! – вспомнил о проекте. Взгляд упал на часы – по уму ему уже нужно не выходить – вылетать.

К черту! Человеческая жизнь дороже денег.

Максим набрал нужный номер:

– Константин, привет. Я задержусь на час...

– Старик!! – взвыл Делягин. – Без ножа режешь! Я с французами ни бе, ни ме! Мы ж их почти год окучивали, а ты все под хвост?!!

– Не кричи. Через час буду.

Отрубил связь и вздохнул – Костя прав. Сорвется сделка – все полетит в тартарары.

И сгреб дневник, ключи от машины, кейс, на ходу пытаюсь надеть пальто.

Макс взвизгнул, провожая хозяина, но тот не услышал – хлопнула входная дверь.

Глава 1

– Скиф?! Привет! – худой мальчишка пристроился рядом, чуть заискивающе поглядывая на товарища. Тот ухом не повел – выплюнул сигарету на асфальт и, толкнув плечом Кабана и его герл, ввинтился в толпу учащихся, прорываясь внутрь техникума.

– Не отставай, – бросил замешкавшемуся Грине. Тот, осмелев, рванул за ним, наплевав на возмущение Кабана:

– Нарываешься, Скиф!!

Парень, не оглядываясь, выставил безымянный палец над толпой – утрись, животное.

На место Скифа в аудитории сел Кравчук и всю флиртовал с блондинистой стервой Люсей. Скиф молча ударил по стулу ногой и парня снесло на пол. Блондинка прикрыла рот ладошкой, зрачки расширились и взгляд полный восхищения был устремлен уже на Влада, а не на Юрку Кравцова.

Тот оттер кровь с губы и готов был кинуться на Скифа, но взгляды встретились, и парень сдержал гнев, ушел на свое место. Парень спокойно сел, грохнув сумку на стол. Оглядел Люсю, как тлю и лег на сумку, повернув голову к окну. Осень, поздняя осень...

Аудитория набивалась прибывающими учениками, стоял гул, а Скиф все смотрел в окно – осенью все умирает – почему он жив?

– О новенькая!! – развеселившись отчего-то воскликнул Ром – Дима Ромашин. Скиф приподнялся ровно чтоб увидеть – у первых парт стояла скромно одетая девушка и дичливо поглядывала на смеющихся парней.

– Ты откуда, маруха?! – обнял друга Рим – Руслан Зайцев, оглядывая скромную черную юбку и белую блузку девушки. – Сыктывкар, Ньювасюковка? Какой фасон, Димон!! Какой фасад!!

– Какие буфера! Какая задница! – попытался покрутить совсем растерявшуюся девушку Ром.

Скиф вытянул вверх руку:

– Иди сюда! – бросил зло и чуть пренебрежительно. Но от тона все стихли, а девушка послушно прошла к последней парте и села рядом с парнем.

– Маша, – заметила робко. Скиф скорчил мину:

– Насрать. Маша молчала пару минут до звонка и тихо сказала:

– Я думала у тебя имя покрасивей.

Скиф почти лег на свою руку, развернувшись к новенькой, взгляд был насмешливым до вьедливости:

– И кем мы себя считаем? Моной Лизой, Орлеанской девственницей, Марией Магдалиной? Запомни детка, ты никто. Засунь свои иллюзии себе в жопу. Они никого не волнуют.

– Ты не любишь женщин?

– Любишь? – Скиф выгнул бровь и заржал. – А ты, правда, из Сыктывкара.

И вытащив учебник из сумки, грохнул им о стол, заставив вздрогнуть явившегося учителя.

– Скифарин, что опять?

Влад развел руками, напустив на физиономию безразличия.

– Выгоню! – предупредил препод и удостоился дружного хрюканья, что прокатилось по классу.

Скиф учился здесь второй месяц, но уже каждой собаке в этом техникуме был известен своим злобно-ершистым нравом пофигиста и полного отморозка. Парни его уважали, слабаки старались держаться рядом, девчонки поглядывали с интересом. И дело было не в смазливой физиономии и довольно интересной фигуре – длинноногий, стройный – в его манерах, его

действиях, в его бесшабашности. Казалось, он не боится ни черта, ни Дьявола, ни Бога. И он действительно не боялся. За первые две недели Скиф провел всего пять раундов боев, но настолько показательных, что даже компания Кабана начала сторониться его. Он не бил – он убивал, он, словно жаждал крови и чьей-то смерти. И у многих кто участвовал в этих боях сложилось однозначное впечатление – своей.

Последняя драка в мужском туалете, когда весь кафель был улит кровью, когда Скиф размазал неслабого по зеркалам, разбив их его физиономией, остановила остальных ретивых, желающих поставить новичка на место. Но и добавила ему врагов. Тот же размазанный Щеглов обещал убить его, как только оклемается. Правда, до этого было далеко, а судя по поведению Скифа, вовсе его не задевало. Хотя кипишь подняли серьезный, родитель Влада вложили немалую сумму, чтобы утихомирить разгневанных родителей Щеглова. Но и том, судя по поведению, Скиф не печалился.

Он словно не жил, а парил над жизнью, не замечая ее, не понимая опасностей в этом мире, не соблюдая правил, не видя и не осознавая привычных и понятных другим рамок. Он будто выгорал изнутри и никто не мог понять, что за огонь его пожирает, какой бес толкает его на провокации, жизнь на грани фола.

Девушек это завораживало. Многие смотрели на него с нескрываемым интересом и хотели бы свести близкое знакомство. Но тот мало кого подпускал к себе. И то, совершенное не подходящих – того же слабака Гриню или придурка Наруто – маленького, верткого, некрасивого, помешанного, словно девчонка, на анимэ.

Такое окружение было минусом Скифу... если б не показательные бои, в которых что рейдеры не сумячась шли по физиономиям, что его уже прославленные перчатки с железными набойками, которые врезались в плоть оппонентов как стрелы в фанеру. И дрался, говорили, он мастерски. А это заставляло его уважать, во всяком случае, лишний раз обходить. Горячность свойственна многим парням из параллели, но Скиф и в этом фору давал – заводился в пол оборота, пер как танк.

Одни его окрестили больным, другие лихим. И то и другое играло на руку имиджу Скифа, завоевывая без боя толпу желающих попасть в друзья и подруги.

И каждого очень интересовало – кто он и откуда. Предположения строились самые бредовые, но им верили.

Ходила легенда, что Скиф был отчислен из мореходки, за то, что покалечил зарвавшегося командира. Другая гласила, что Скифу грозил срок за убийство, и родители кое-как отмазав его и переведя в другой техникум в другой город, надеются, что сын возьмется за ум. Третья версия вовсе приписывала ему год психушки, где от него отказались даже светила, признав конченным, асоциальным элементом. А выпустили за большой откат, который отец, тоже психиатр по одной версии и генерал-полковник МВД по другой, передал врачам.

И никто не знал, какая из этих легенд верная, а соответствовала истине вроде бы каждая.

Никто не знал, чем занимается Скиф вечерами, где тусуется, какие девчонки ему нравятся, чем увлекается, где бывает. Но знали, что у него есть черный спортивный «ягуар» и улей-бланный «харлей». И даже неряшливость и вызывающая одежда парня были, казалось, дорогой, очень экстравагантной, новомодной примочкой. И все считали, что за его спиной стоит толпа богатой и влиятельной родни, поэтому Скифу и сходит с рук любая эскапада. И сам он реинкарнация Печорина и Дракулы одновременно.

А Скиф лежал на учебнике и смотрел в окно, не мигая. Ему было все равно на шепотки, на вдалбливание учебного материала, на взгляды девчонок, «косяки» парней.

Люся ерзала пол урока, вспоминая как эффектно Скиф отправил Кравцова на пол, и не выдержала, написала записку: «пойдем после занятий в „Бакс“»? Сунула ее новенькой.

Девушка недоуменно уставилась на Люсю.

– Скифу! – цыкнула та: о чем ты подумала, дура? Ты кто такая, чтобы я тебе записки писала?

Маша опустила взгляд и положила под руку парня свернутую бумажку. Скиф нехотя приподнялся, развернул и минут пять изучал одну строчку. Маше очень не понравилось его отношение, его поведение и эта манера высокомерничать. Но вроде как он спас ее от насмешек, поэтому девушка не стала осмысливать его характер и делать выводы. Рано.

Влад же уперся на руку, развернувшись всем корпусом к Люсе и, оглядел ее, будто взвесил и оценил. Скривился и выдал, наплевав на речь преподавателя:

– Платишь ты.

Маша бы умерла, но с таким бы не пошла не только в бар, но и на выход из аудитории. А Люся игриво улыбнулась:

– Идет.

Девушка покосилась на Логинову: гордость-то есть у нее?

А Скиф масла в огонь подлил, прищурил глаз:

– Сейчас. Люся вспыхнула, несмело глянула на учителя и решилась.

– Идет, – улыбнулась, пытаясь показать себя ему парой – такой же рискованной пофигисткой, королевой жизни.

– Вперед, – сгреб учебник со стола и двинул меж парт, Люся за ним, с превосходством поглядывая на подруг.

– Я не понял, – протянул учитель.

– Живот скрутило, – бросил Скиф, вываливаясь за дверь.

– Очень, – с милейшей улыбкой поддакнула Люся, игриво глянув на мужчину: а ты бы так смог? Не – а. Ничтожество!

И выплыла в коридор.

Скиф тут же повис на ее плече и оглядел от бровей до носиков гламурных сапожек:

– Ну, что, смелая, – выставил ей пачку сигарет, предлагая. Люся взяла одну и получила зажигалку. Скиф прикурил свою тут же, наплевав на то, что еще в здании, где не курят. Девушка, сделав затяжку, поняла, что это травка и подавилась, закашлялась. Влад засмеялся, утягивая ее на улицу.

– В «Бакс» не пойдем, отстой, – заметил уже на крыльце. Осмотрел периметр оголенных деревьев, листвы и забор, решая куда лучше направиться.

Люся курила, давась дымком, но пыталась выглядеть под стать Скифу, и готовой на любой подвиг. Ей хотелось стать его девушкой. Эту славу не затмила бы и пара Кабан и Люба-вина. К тому же быть девушкой Скифа, значит первой узнать все его тайны, влиять на него, иметь на поводке даже не добермана – вурдалака, вампира. Свой личный вампир! – круто, – уже смело шагнула за парнем вниз по ступеням навстречу приключению.

Страшно было лишь одно – пролететь, оказаться не на уровне.

Максим освободился только после обеда. Сделка благополучно прошла, и он получил приз – возможность уединиться в своем кабинете, спокойно пообедать. К кофе и сигарете вспомнилось про дневник. Мужчина вытащил его из ящика стола и открыл на первой странице:

«Отец считает, что мне нужно вести дневник, он спасет меня.»

Он или дурак или меня за дуру держит – от чего спасать? От произошедшего? Оно уже было. И хоть забегайся, хоть головой об стену бейся – бы-ло.

Тогда от чего? От жизни? От жизни меня спасла бы туля: но видно и ее я не заслужила...

Отец всегда знает, что лучше другим. Всегда. Даже когда другим не нужна его помощь, даже когда хотят, чтобы их просто оставили в покое.

У меня нет сил сопротивляться, нет сил вообще ни на что. Писать? Пишу. Но о чем? Зачем? В угоду ему, опять ему, потому что таковы правила мужского мира, таковы мужские законы...

Отец сказал: записывай что чувствуешь, что думаешь.

Но как можно записать боль, что раздирает душу на части, как можно записать мысли, которые как грозовые тучи укрывают с головой, и нет им просвета. Какими словами можно описать чувство, когда ты ежедневно, ежечасно ощущаешь себя меньше сверчка, что запихнули в спичечную коробку и держат в кармане для своей надобности, и ты, тот сверчок, ничего не можешь, нет твоей воли и тебя нет – есть клетка коробки, в которую ты и не просился, но вынужден находиться...

Отец спасет меня от дурдома и не понимает – я уже в психушке. В одной огромной психбольнице, где полно Наполеонов и Жозефин, я ни то, ни другое. Была ли я, что я? Кто? И отчего меня может спасти дневник? От смиренной рубашки? От вскрытых вен? От жизни?

Не я придумала ее такой, не я установила правила и не я смогу их обойти. Они согнут, сомнут любого. Явись в этот дурдом сам Господь и его сунут в смиренную рубашку, закроют в камеру для буйнопомешанных...

Как глупо записывать обрывки мыслей, погребенные чувства, вспоминать себя, ту, умершую, раздавленную, запятнанную, обманутую, никому ненужную. Обычную игрушку в чужих руках. Мужских...

А ведь я хотела такую малость – любить, и была настолько глупа, что любила сама, не понимая, что верить в ответное чувство все равно, что верить в НЛО и йети, Дед Мороза и Бабу Ягу...

Почему так случилось? Почему оглядываясь назад, я не могу воспринимать себя собой. Внутри нарастает протест до крика, до воя, и хочется рвать зубами вены и сдохнуть, наконец-то умереть!».

Макс потер висок: ничего себе мысли у девушки, ничего себе начало. И все ровным, каллиграфическим почерком, очень красивым. И мысли не сумбурные – стройные. А все равно ощущение неадекватности, какого-то надрыва.

Мужчина хлебнул кофе и подкурил еще одну сигарету.

«...но как умереть мертвой?»

Отец сказал: дневник поможет тебе жить. Может быть, он все перепутал? Дневник поможет жить ей, той что была?

Как же она жила? Как все началось, когда?

Наверное, с рождения.

Мама... Она назвала ее Варварой. Какое глупое имя – Варваре нос оторвали. И вырвали душу. Кому она была интересна?

Дома, милый дом. Там всегда был погром. Всегда, когда отчим собирался на вахту, калымить на Север. Финансов особо в семье от этих вахт не прибавлялось – мать Вари, Полина Яковлевна, женищина прижимистая, старалась отложить на доплату, чтоб обменять маленькую жилплощадь на большую. Но чем дольше она откладывала, тем выше поднимались цены на квартиры, и все начиналось сначала: сборы, отъезд, надежда и ожидание, приезд, подсчет денег и... опять в путь. Это напоминало бесконечный бег по кругу.

Варвара в затею совершенно не верила, но не ей им советы давать, поэтому и молчала. Привыкла, что ее все равно не слушают, даже возьми выскажись.

Молча обошла две дорожных сумки, занявших почти все коридорное пространство, прижалась к стене, пропуская пробегающего отчима, и нырнула на кухню, чтобы перекусить. Мама как раз пекла отчиму в дорогу пирожки.

– Руки вымой, – буркнула дочери вместо „здравствуй“.

– Уже, – заверила, беря с большой тарелки поджаристый пирожок. В комнате раздался шум и грохот, словно отчим снес антресоли. Варя с матерью влетели в комнату: так и есть – антресоли распахнуты, и все вещи из них валяются на полу.

– Что тебя туда понесло?! – мгновенно разозлилась Полина Яковлевна.

– Документы мои где?! – рявкнул в ответ Николай Петрович.

– Да в ящике комода! Склероз, что ли?! – и умчалась спасать выпечку, а Варя принялась складывать вещи обратно, понятия не имея, зачем это делает, ведь половину из них нужно было бы на свалку отнести, а не в шкаф пихать. Зачем, например, сотню лет пылятся ее старые коньки, которые стали малы ей еще в пятом классе? А Жаннина вязанная шапка, тетрадки за десятый класс, старый заяц с ободранным ухом? Но выкинуть хоть одну вещь без маминого согласия, Боже упаси – кричать, ворчать и дуться будет неделю. А через месяц снова вспомнит и начнет заново – ворчать, обижаться.

Варя со вздохом запихала все обратно вглубь антресолей, тут отчим, наконец, нашел документы и закричал из коридора, объявляя об этом всем.

– Дядя Коля, – подошла к нему Варя, решив объявить о свадьбе пока не уехал. Матери сказать было страшно. А отчим никогда не вмешивался, Варя была для него неизменным атрибутом его семьи, как кошка или те же хранящиеся на антресолях коньки. – Я замуж выхожу.

– Чего? – нахмурился не понимая. И закричал в сторону кухни. – Полина, слышала?! Варька замуж собралась!

– Это за кого?! – вырुлила из кухни мать.

– За Диму.

– Ах, за Диму! – всплеснула руками женщина. – А не рано ли невеститься? Техникум сначала закончи!

– Мам, мы решили на следующей неделе подать заявление. Я ставлю вас в известность, чтобы отец приехать успел на свадьбу.

– Ах, ты нас в известность ставишь! – завелась Полина Яковлевна, но высказаться не успела, муж влез.

– Ты, это, Варь, не торопись. Зачем тебе Димка? Где вы жить-то собрались, на что? Не – е, ты, это, глупостями не занимайся. Молоды вы еще – погуляйте с годочек, себя проверьте, на ноги встаньте.

– Мы скромную свадьбу сыграем. Дима на работу устроился.

– И куда это?

– Менеджером в салон бытовой техники. Пока оклад небольшой, но после испытательного срока обещали вдвое больше.

– Вот, значит, как! Нет, ты глянь – без нас все решили, постановили!

– Мам, пирожки горят, – учуяла запах гари Варя. Женщина проворно юркнула в кухню, выкрикивая:

– Ты мне брось „Димы“, „свадьбы“! Слышала, что отец сказал?! На ноги сначала встаньте! Доучись! А дитё будет?! А?! На кого кинешь?! На меня?! Я вам что, трехжильная?!

– Мам, мы не собираемся пока детей заводить да и учиться всего ничего осталось!

– Не, не, ты это, права мамка, дети-то вне планов появляются. Нет, Варюха, погоди со свадьбой, отучись сперва.

– Мы любим друг друга, и все уже решили.

– Это когда ж вы решить успели?! – опять появилась в коридоре Полина Яковлевна, встала, подперев бока руками. – Ни сватовства значит, ни знакомства с женихом – решили они. А наше согласие не нужно?

– Мам, я сегодня поговорю с Димой на счет сватовства. В выходные планировали.

– Ах, вон как! Отец из дома, а ты мне мужика в дом!..

– Мы у Димы жить будем. Его родители согласны. Николай Петрович почесал затылок и пожал плечами:

– Ну, чего мать? Если так, то это... чего б нет?

– Но, чтоб в воскресенье жениха привела! – постановила Полина Яковлевна. – А там поглядим. Может обормот какой?

– Мама, Дима очень воспитанный молодой человек. Хозяйственный, умный. Я с ним год переписывалась, ты же знаешь.

– В письмах я тебе сама хоть че напишу. Ты мне его не расхваливай, не товар! Приве-
дешь, я лично погляжу, что за умница твой Дима.

– Во! – нашелся отчим. – Ты это, Варюха, мамку слушай. Она женичина мудрая, знает, что говорит.

Мать, гордо вскинув подбородок, ушла на кухню.

– Полин, они в воскресенье это, придут, – крикнул мужчина в сторону кухни, забыв о Варваре и о разговоре. – Куртка-то где, Поля?! Мне выходить уже!

– Подожди ты с курткой! Пирожки сейчас сложу!

Тут зазвонил телефон и Варя, взяв трубку, силилась понять, сквозь поднятый родите-
лями крик, что говорит ей Дима:

– Я выхожу! Выхожу! Через пять минут буду у твоего подъезда! – кричал в трубку парень.

– Поняла! Я тоже выхожу! – крикнула Варя.

– Да куртка-то где?! – надрывался Николай Петрович.

– Не дом, а дур дом! – буркнула Жанна, освободив ванную комнату. Силой хлопнула дверь, и проплыла в комнату.

Жанна... Может с нее все началось? С того момента, как она родилась, а я стала чувствовать себя лишней?..»

Макс вздохнул – сериал, какой-то: отец, отчим, Жанна, Полина – мама, еще и жених.

Девушка точно неадекватна.

Но перед глазами всплыл тот тинейджер, что пнул дневник в воду, и мужчина решил пойти наперекор его поступку – все-таки дочитать и понять, стоило ли это делать.

«– Дима, я сказала сегодня своим, что мы собрались пожениться. Мама ждет тебя в воскресенье на семейный ужин.

– Решено, буду ровно в семь. Твоя мама, какие конфеты любит?

– Шоколадные, – рассмеялась девушка.

– А цветы?

– Считает их излишним расточительством. Купи лучшие фрукты.

– Идея. Так и сделаю. Николаю Петровичу – водки, вина?

– Дядя Коля уехал на вахту, теперь явится через три месяца.

– Но мы же не будем его ждать, Варенька? – испугался парень.

– Нет, он сказал – как мама скажет.

– Задачу понял. Будем очаровывать твою маму. А сестра? Ей что нравится?

– Ей косметика и тряпки нравятся. Что ты хочешь от пятнадцатилетней девочки?

– А сладкое?

– Она у нас фигуру бережет, сладкого вообще не ест, даже чай без сахара пьет. Так что, о Жанне не думай. И не будет ее скорей всего, опять усвистит куда-нибудь: в кино или на танцы, на тусовку очередную.

Дима кивнул и обнял девушку:

– Ну и ладно, пускай бежит на свою тусовку, без нее обойдемся. Мама-то как вообще настроена?

– Не понять. Познакомиться с тобой – определится. Ты ей понравилась, уверена.

Парень смущенно улыбнулся:

– Надеюсь. Тещи, говорят, самый жуткий народ.

– Свекрови тоже, но мы же с Наиной Федоровной нашли общий язык. И ты с моей мамой найдешь.

– Ты меня пугаешь. Складывается впечатление этакой фрекен Бок. Но ведь как бы она ко мне не отнеслась, это не имеет значения, правда? Жить-то нам с тобой, а не с моей или твоей мамой. Давай не будем сейчас о родителях? Успеем еще их достоинства и недостатки обсудить. Я скучал, Варенька, – прижался к ней. – Весь день о тебе думал.

– А что думал? – полюбопытствовала. Как он ей нравился, глупой девчонке, какой бездной достоинств она его наделяла...

– Хорошее. Какая ты у меня замечательная, как здорово, что любишь меня. И за что? Такого неуклюжего, не супермена, не Рокфеллера, не Ньютона. Ты ведь такая умница, красавица. Я как на службе целый день твои письма мысленно декламировал и все думал, как же это замечательно, когда ты любишь, и тебя в ответ любят, когда есть к кому идти, а значит, есть к чему стремиться и ради кого. Я даже стишок сочинил: Варенька, любимая моя, ты как солнышко в моей судьбе, и спасибо милая тебе, за сиянье глаз, за чудную улыбку, за тепло души. Я с тобою ангел мой, на веке.

– Не Петрарка, – улыбнулась Варя.

– Увы, – вздохнул Дмитрий. – Был бы им, посвятил тебе целые тома стихотворений и поэм. Но может все впереди? – улыбнулся, и крепко обнял. – Я люблю тебя, Варенька, если бы ты только знала, как я тебя сильно люблю.

– Я тоже тебя, Димочка, очень, очень.

Парень, щурясь от солнца, посмотрел на убегающие за окнами строения, прохожих, расцвеченные весенним солнышком и зеленью улицы и сказал:

– Представляешь, мы еще в самом начале нашей жизни, в самом-самом. Почти на старте. И впереди нас ждут долгие счастливые годы. Пройдет пять лет, десять, изменятся улицы, изменимся мы, а наша любовь станет лишь крепче и ярче.

Господи, неужели он так говорил? Неужели я серьезно в это верила?..

Ах, да – дети. Она же так их хотела! Как любая дурочка, чья голова забита главным в жизни женщины – семья, дом, дети... Как там в немецкой формуле женского счастья? „Киндер, кирхе, кухня“. Только на эти три „ка“ может претендовать женщина, только в них она имеет право существовать. Только существовать. Жить – привилегия мужчин».

Макс закрыл тетрадь: может и прав парень, отправив эту «Мексику в розовом соусе» в воды Фонтанки?

Но каковы перепады?

Мужчина взял в руки кружку с кофе и повернулся в кресле к окну: девушка явно больна – пишет о себе, но словно о другой, потом путается и на миг как озаренье – это же я, затем снова дистанцируется от себя самой и пишет от третьего лица. Клиника.

За окном намечался ливень и Макс вздохнул: придется переждать. Идти по КАДУ через стену дождя не хотелось. Не такой уж он любитель экстрима. Хотя, можно и не ездить в «Мегу» сегодня – завтра затариться.

Взгляд опять упал на потрепанную обложку тетради.

А чем еще заняться, коротая время до прояснения в небе?

«Они выскочили из автобуса и двинулись в сторону ворот рынка. Шли, взявшись за руки и, молчали. А что говорить – им было хорошо вместе без слов.

– Странно, мы с тобой даже не разу не поссорились, – задумчиво протянула Варя.
– Зачем?
– Не за чем, просто. Другие ругаются, у них как-то бурно все происходит.
– Ну, хочешь, повздорим? Только зачем?
– Не про то я. Не хочу ссориться. Удивляюсь – как же мы с тобой влюбились так друг в друга, что даже тем для ссор нет.

– Потому что подходим. Ты любишь что я, я – что ты. И мнения на вопросы сходные. Чего ругаться? Тема?

– Обоим например.

– Что „обоим“?

– Ты какие в комнату хочешь?

– А ты? Варя рассмеялась – вот и поспорили!

– В цветочек.

– Идет!

– Нет, я передумала, возьмем с геометрическим рисунком.

– Да хоть с арифметическим. Ты хозяйка, женщина, тебе виднее.

Девушка с благодарностью прижалась к своему будущему мужу и на миг зажмурилась – до того хорошо стало – она станет хозяйкой! Будет стирать Диме рубашки, гладить, готовить ужин, завтрак, убираться в их, только их совместной с любимым комнате, устраивать ее, как ей нравится. И ни мамы, ни отца, ни сестры – ворчуньи со своими завихами и указаниями – только она и Дима. Что захотела, то и сделала. Она!

Дима вышагивал гордо, видно тоже распирало его, что без пяти муж, в предвкушении самостоятельной жизни плечи сами расправлялись. Будущая ответственность не воспринималась тяжелой ношей и потому не гнула – окрыляла, вознося в заоблачные дали иллюзий. И казался он себе в этот момент не худым, невысоким и невзрачным пацаном, а сильным, огромным и высоким красавцем. Ему сейчас что стокилограммовую штангу одной левой толкнуть, что толпу хулиганов раскидать – легко – взгляд Вари тому порука: восхищенный, влюбленный, доверчивый, наделяющий предмет своего обожания невиданными достоинствами. Как им не соответствовать?

И Дмитрий соответствовал. С серьезным видом долго копался вместе с любимой в рулонах обоев, придирчиво оглядывал упаковки, читал внимательно инструкцию к клею, дотошно выпрашивал продавщицу, о том какие обои лучше, какие хуже. Варя молчала, млея от его вида: какой же он хозяйственный, какой умный, смелый, ответственный, и от доставшейся ей роли: преданной, доверчивой женщины, которая не станет перечить по пустякам и лезть в то, чего не знает. Дима умнее, ему виднее.

Кислицин выбрал недорогие обои в блеклый цветочек, которые девушке совсем не понравились, но стоит ли спорить и портить себе и ему настроение из – за ерунды? Он выбирал, старался. И Варя кивнула: по душе – бери.

Влюбленные довольные „уловом“ вышли из магазинчика.

– Начало положено, – провозгласил Дима. – Холодильник и телевизор возьмем в кредит, а диван купим на то, что подарят на свадьбе. Стол мама даст.

– Кресло и магнитофон из дома заберу, – поддакнула Варя.

Здорово-то как планировать будущую семейную жизнь! Девушка ликовала, она почти летала и мысленно уже обустроила комнату, наклеила обои, расставила мебель, цветы, книги.

– Ты посчитай, сколько человек будет с твоей стороны. Надо думать, где торжество устраивать будем.

– Мама, отца попытаюсь пригласить, Жанна, Люба, Катя, Лена. Тетя Аля и дядя Ваня...

- Это уже семь человек.
- Много? – чуть испугалась девушка. Но она же еще не всех близких перечислила.
- Варенька, свадьба удовольствие дорогое. Я предлагаю скромное торжество, по минимуму, а деньги потратим на необходимое.
- Тогда все, семеро.
- Подожди. Люба кто?
- Моя подруга, она свидетельницей будет.
- Ладно. А эти: Клара...
- Катя и Лена мои подруги, мы вместе в школе учились.
- Ну – у, когда это было? Они кто сейчас?
- Студентки, как и я. Одна в политехе, другая в медучилище.
- И что с них взять? Дадут копейку, погуляют на десять.
- Не в этом дело. Причем тут, сколько и чего они подарят? Они мои подруги!
- Ладно, ладно, хочешь – приглашай. Пусть будут. Я все равно друзей зову, а им без девушек будет скучно.
- Кого приглашаешь?
- Володю и Алексея ты видела. Еще Рома – рыбак, его не обойти – сосед и вообще, незаменим по части электрики и электроники. Святых, спаять что – мигом. Пригодится. В комнате проводку менять надо, приглашу его на свадьбу и он бесплатно поможет. Потом Михаил, сегодня познакомились...
- Зачем же незнакомого приглашать?
- Варюша, доверься мне, я знаю, что делаю. Мне расти надо, а он может помочь. Работает всего год, а уже старший по залу. Мало ли: прикрыть, подсказать. Нужный человек, опять же все входы выходы знает, кто, что из себя в коллективе представляет. Нам же нужно подниматься, Варюша. Будет повышение, будет прибавка к зарплате, а деньги лишними не бывают.
- Девушка помялась и согласилась.
- Парень сжал ее руку, довольно улыбнувшись.
- Еще Горика придется пригласить. Мы учились с ним вместе, в соседних домах живем.
- Давай весь класс! – не сдержалась.
- Ну, не обижайся, я же не просто так, а с дальним прицелом. Горик мой ровесник, а уже третью машину меняет. Дела у него катяют. Сейчас форд купил, утром его видел, сиял, вокруг машины крутился. Как раз в ЗАГС отвезет. Не пешком же пойдем?
- Логично, – вздохнула. Ну и пусть со стороны Димы много человек будет, зато как он рассчитал – все нужные. И поморицилась – противно отчего-то. С другой стороны, что делаешь, если сами „маленькие“ и небогатые? Только на „больших“ и богатых полагаться, за счет них выбираться. К тому же Дима не только о себе заботиться – о ней тоже, о их общем будущем.
- Одно в цвет – Люба довольна будет: такой контингент набирается – мечта ее.
- Еще Резаковых хоть как придется приглашать.
- Это кто? Я их не знаю.
- Наши дальние, дальние родственники. Богатые, а жмоты. Правда, на Новый год всегда подарки шлют. Если пригласим, на свадьбу, думаю, тоже раскошелятся. Глядишь, не диван – мягкий уголок купим.
- Варя лишь вздохнула. С одной стороны хорошо, что Дима дальновидный, а с другой не о том ей слышать и говорить хотелось. Любовь и расчет не складывались, хотя вроде и не сходились. С ней-то он не по расчету – по любви, а что в будущее заглядывает, фундамент крепкий готовит, вроде бы даже отлично. Но ни сердцу, ни душе то непривычно, и царапают слова его, как наждак по батарее.
- Выходит с твоей стороны человек двадцать будет...

– Тридцать в общей сложности. Нормально. У нас посидим. И обнял в пылу девушку, чуть не раздавив рулонами:

– Заживем! Варенька, как же мы здорово заживем! – попытался подхватить любимую на руки, но обои перевесили и общий вес ноши, оказавшийся в руках, превосходил вес Кислицина. Дима не устоял и неуклюже шлепнулся на газон, придавливая рулоны, сверху Варя приземлилась.

– Фу, ты, – с трудом поднялся парень. Спину и бок свело от боли.

– Ты чего? – забеспокоилась девушка.

– Ерунда, – отмахнулся, но, судя по искаженному болью лицу, хорохорился. Варя обои взяла и его поддержала:

– Ничего не сломал?

– Вот еще, – улыбку вымучил. – Я крепкий, не смотри, что хлипкий.

– Ничего ты не хлипкий!

– Ладно, ладно, я – Турчинский. Ой!

Один шаг и Дима вновь бы упал, если бы Варя его вовремя не подхватила.

– Ты ногу повредил.

– Спину, – поморщился. – Неудачно приземлился. Пройдет сейчас, подожди.

Минут пять тревожного ожидания, и Дима при помощи Вари поковылял к остановке. В автобусе его разогнуло и он даже отобрал у любимой обои, подтверждая образ крепкого и сильного мужчины. С

Наверное, ему было страшно, что такая девушка уйдет от него, отвернется, если узнает, какой он слабый и больной. И прощай тогда мечты, будущее. Как был для всех вокруг „соплей“ так и останется. Тогда Варя его обидную кличку еще не знала, как не знала, как он служил, до армии жил. Его счастье, что вместе с ним Юрка служил, такой же доходяга, но поэт, в отличие от Димы. Он письма девушке писать помогал, романтику по линованным листам разливал, так что вся рота заслушивалась, в десять рук его опусы переписывала и во все концы страны своим подругам рассылала. По десять, двадцать писем одного формата, слово в слово...

К чему это кому-то знать, тем более Варя?

Главное выходило все ладно и складно, романтично – и разве подло? Обычно. Привычно...

– Дима, все хорошо? – с беспокойством заглядывая ему в глаза, спросила девушка.

– Замечательно, Варенька, – обнял ее, вымучив улыбку. И было видно, что спина нещадно болела, вызывая тревогу. Может, действительно позвоночник повредил? Но думать о том не хотел, вид показывать тем более. А то подумает Варя, что он как стеклянный человек от любого ушиба рассыпается, пошлет вдалеку светлую и будет она темной. Одному хоть вблизи, хоть вдали нерадостно.

Встретит ли он еще красивую, умную и хозяйственную, чтобы любила вот так же, безоглядно, чтобы рядом с ней себя Ильей Муромцем чувствовать – не факт. Это он сразу смекнул, а как только фото Вари получил – подумал – женюсь. Снимок ее по казарме ходил, любовались бойцы, правда и подтрунивали, не без этого. Не верилось им, что такая лапочка к такому доходяге прилипла. Да и сам Дмитрий не верил, и слово себе дал – если правда, влюбилась, если дождется и все у них срастется, семья будет. От добра добра не ищут. Не дурак за журавлем в небе бегать, когда вот он, сам в руки дался.

Хорошо все складывается: Варя к нему вроде прикипела, мать слова против ранней женитьбы не сказала. Осталось заявление подать и будущую тещу приручить. Авось. Дресировщик из него, конечно, так себе, но первый шаг уже сделан – у матери комната вытребована – забот и хлопот меньше. Любому ясно – чем дальше от тещи, тем жизнь спокойней. Осталось ее согласие на брак получить, а нет, ну и нет. Все равно поженятся. Совершеннолетние, он работает, комната для жизни есть – что еще надо?

Если бы я знала все это до того, как все произошло...

Почему я верила ему, почему любила, почему не видела, что всего лишь выгодна?

Да любила ли – полно!

Игрушка. Даже тогда еще я уже была игрушкой, вещью, выгодной или не выгодной, и тем либо привлекательной, либо отталкивающей.

Господи, почему я была такой душой! Почему нами так легко пользуются?!»

Макс захлопнул дневник – хватит.

Прочитанное отчего-то вызывало щемящее чувство то ли стыда, то ли брезгливости и оставляло привкус обмана, которому дано свершиться и которому не противостоять. Хотя он-то причем? Зачем ему чужие тайны, чужие метания и души изыскания? Что ему до этой пары?

Наверняка обманутая невеста решила, что «все мужики козлы» и вылила это на листы бумаги, а он, вот уж кто действительно, дурак, подумал, что стряслась беда и нужно помочь...

Фу, ты! Рождаются же на свет идиоты!

Да плевать ему на Варь и хитро-мудрых Дим, что еще маются детством.

Его детство закончилось семнадцать лет назад, в тот день, когда умерла мама. И он понял, что никому не нужен. Совсем. Даже родному отцу.

Семнадцать лет назад, почти семнадцать лет на момент. Точка отсчета. Она есть у каждого, просто не каждый понимает, что она неизбежна и многие остаются за ее гранью, теми же что были, и уже не изменятся, не изменят свою жизнь. Так и будут сопли лить на страницы вместо того, чтобы взять себя в руки и пойти дальше.

Каждому свое.

Он – пас. Он не отец этой Вари лечить взросление. Предательство, конечно, тяжело, но не смертельно и бывает опять же, с каждым. Оно даже в чем-то необходимо, чтобы урок впредь пошел на пользу и помог распознать «своих» и «чужих», способных на подлость и предательство, не способных, потенциально готовых к этому. Только такими уроками можно обрести реальное зрение и понимание кто на что способен, отсюда и ждать что-то от человека.

Не нужно питать иллюзий на счет людей, а если питаешь – их не вини. Они как раз в этом не виноваты. Это твои трудности, твои проблемы.

Выживают только сильные, слабые ломаются.

Он не думал – правильно ли это, потому что знал – иначе не бывает.

Глава 2

Скиф потягивал вино и поглядывал на Люсю.

Заведение было тихое, консервативное, чем удивило девушку. Она ожидала чего-то бурного – слета металлистов, тусовки байкеров, засилье любителей пива, на крайний случай. Влад изумил ее и в этом – привел почти в аристократический ресторан, где цены под потолок с лепниной, наверное, именно за нее. Это смущало, учитывая, что заплатить обещалась она. Но Скиф успокоил:

– Посидим немного, примем по минимуму и двинем к Зотову.

– Куда?

– Студия. Зотов известный художник.

– Ты увлекаешься живописью? – Скиф явно полон тайн и загадок!

– Нет, – хмыкнул. – Я увлекаюсь искусством. У Павла собираются люди.

– Ты говоришь, словно в других местах собираются свиньи.

– Не исключаю. Скиф облокотился на стол, качнувшись к девушке:

– А ты бы хотела куда-нибудь травки покурить, оттянуться с ломкой, хеви-металл и де труза до утра?

Люся скорчила рожицу:

– За кого ты меня держишь?

– А чего тогда ко мне прилипла?

– Ты интересный, симпатичный...

– Вызывающий...

– Не скучный! – улыбнулась. – Неординарный. В тебе есть харизма. Чувствуется, что ты хозяин своей жизни.

– А ты – нет?

– Пока не совсем. Вот отучусь, начну зарабатывать сама, буду хозяйкой себе. А пока маман с папан выдают чаевые, много воли не получишь. Фигово от предков зависеть.

– Иди работать.

– Кем? – пожала плечиками. – Рекламки у метро раздавать, дворы мести?

Скиф отвернулся: зачем он согласился с девушкой прогулять занятия? А впрочем, чем лучше сохнуть на парах, слушая заумь Веретенникова?

– А ты что хочешь от жизни? Куда потом пойдешь, кем?

– Работать пойду, – отрезал.

– Семья? Женишься?

– Так далеко не заглядывал.

– Не любил, – поняла свое и высказала с томно – заумным видом. Скиф ожег ее взглядом, губы скривились в желчной насмешке:

– Любил – не любил. Ты принцесса, чем голову себе забила? Ты думаешь, мужики любят? Они пользуют, они ищут выгоду и приемлемую телку для своих нужд. Это как сходить в сортир. Кому приспичило тот и за кустом отошьет, а посдержаннее сортир ищут красивый, чтоб со всеми удобствами.

Люся даже побледнела от его грубой прямолинейности, поморщилась:

– Что за скотство.

– Правда жизни, дура. Ты что думаешь, самая умная, самая красивая, поэтому мужики от тебя с ума сходить должны и розы под ноги стелить? Розы с шипами, детка. Хорошо даешь, приметный интерфейс, нормальные манеры, покладистый характер, по дому и хозяйству можешь – тогда есть шанс, а так... Ну, фигурка у тебя ничего, – смерил ее взглядом. – С мозгами хуже,

но смазливая мордочка компенсирует, главное рот не открывай, чтобы ум во фразах наружу не лез. Родители у тебя кто?

Люся хлопала ресницами и морщила носик, соображая оскорбиться и послать Скифа нафиг или еще потерпеть, понять с чего он завелся. Может специально провоцирует? Зачем?

– Врачи.

– Врачи? Здорово, – хмыкнул. – В частных клиниках?

– Даа.

– Супер. Стоматологи, гинекологи?

– Неет.

Люся решительно не понимала, причем тут ее родители.

– Тогда на хрена ты мне сдалась? Что твои родители могут, что можешь ты? Кто ты? Удобный сортир с красивым интерьером? Таких валом.

Люся покраснела до корней волос и не выдержала, поднялась, резко оттолкнув чашку с недопитым кофе. И вылетела из ресторанчика.

Скиф не шевельнулся.

«Беги, дура, беги пока не поздно», – посмотрел ей в спину.

Допил вино, кинул деньги и направился в тир.

Стрельба затянула его давно, как табак. Две, а то и три пачки сигарет в день и расстрел мишеней – сутки прошли не зря.

– Поразительные успехи, – усмехнулся молодой мужчина в тире, выдавая очередную порцию пулек. – У тебя талант. А помнишь, как палил в белый свет, как в копеечку?

Парень смерил его презрительным взглядом и расстрелял мишени, попав в десятку на каждой.

– Я же говорю – талант.

– Еще тридцать – подал деньги.

Мужчина отсчитал пульки и подвинул к Скифу, взглянув с насмешкой:

– Меня Павел зовут.

– Санта-Клаус, – буркнул недобро: не вяжись дядя.

– Ничего, – хохотнул. – Подходит.

– Отвянь.

– Что так немилостиво?

Парень расстрелял мишени и вновь протянул деньги:

– Еще тридцать.

– Что-то кроме оружия вообще интересует?

– Нет, – отрезал.

Расстрелял следующую партию, положил винтовку и хотел уже уйти, как мужчина остановил:

– Подожди, предложение есть по твоему интересу. Как на счет пострелять из настоящего оружия?

Скиф хмуро уставилась на него:

– Страйкболл?

– Баловство.

– Охота?

– Пейнтболл. Мы с ребятами собираемся, отдыхаем...

– Один хрен, – скривился.

– Ну, не скажи. Подгребай в Сестрорецк в субботу к обеду, за мостом на повороте на приморское шоссе подхватим. Можно и из города. Где удобнее?

– Я не сказал «да», – отложил ружье и вышел.

Скиф доплелся до скамейки, плюхнулся.

Сколько будет помниться тот день?

Взгляд ушел в сторону деревьев, уже почти голых, потерявших свою листву, и четко вспомнились кустики у моста, покрытые молодыми, зелеными листиками, туман, что стелился над водой, песок, трава и джип. И киллер...

И тряхнул волосами: нафига думать об этом? Когда паршиво на душе нужно избегать плохих мыслей, воспоминаний иначе останется лишь один путь – на тот свет.

Впрочем, если ли разница? Он давно там. Мир перевернулся. Давно.

С некоторых пор Скиф был уверен, что этот мир – ад, а тот, возможно, рай. А смерть не так страшна, как жизнь, по – своему она даже красива. Более красива, мудра и справедлива, чем жизнь.

Парень поднялся и пошел к Зотову. Там его знали, там к нему относились как к своему.

Сашка Пелегин пил пиво, обнимаясь с очередной девицей, двадцатой за те двадцать раз, что Влад его видел. Неизменной у Сани была только бандана и улыбка.

– Привет, Скиф, – обменялись хлопками ладоней и парень тут же получил банку «туборга». – Опять с занятий слинял? Чудак ты, человек, тебе диплом нужен.

– Не угадал – отцу.

– Отец за тебя жизнь не проживет. Самому нужно что-то думать. Подошедший Павел просто пожал парню руку и кивнул:

– Пошли, покажу новое.

– Закончил? – вскочил Скиф.

– Сегодня, – улыбнулся благодушно Зотов и подвел к стойке с картиной.

На холсте цвела весна улыбкой прекрасной женщины утопающей в разных цветах. Что говорить, картины Зотова иначе, чем шедеврами Скиф назвать не мог.

– Любишь ты баб, – заметил тихо, даже забыв про пиво в руке.

Павел странно посмотрел на него:

– А ты не любишь. Шовинист.

– Бывают другие?

– Знаешь, Скиф, – обнял Влада за плечо Павел, разглядывая свое творение. – Мы все в какой-то степени шовинисты, но в крайности вдаваться не стоит. Женщины прекрасны – их нужно любить, как воплощение красоты самой жизни. Мы без них, как дети без родителей, как земля без травы, как...

– Ты конечно мастер, Павел, без всяких «но». Однако, с красотами жизни я бы поспорил. Они только в твоих картинах.

– Заведи себе подружку, – посоветовал мужчина, внимательно посмотрев на парня, и пошел к друзьям – Гоше и Киру, вечно подвыпивших и веселых, с массой прожектов в голове. Братья махнули руками, приветствуя Скифа и, о чем-то начали втирать Зотову.

Влад закурил, продолжая рассматривать картину.

– Гений, правда? – заметил Сашка, подойдя неслышно. Скиф дрогнул и кивнул.

– А ты Катерине понравился, – усмехнулся мужчина. – Познакомить?

– Думаешь, даст?

Пелегин засмеялся:

– Смотря, как просить станешь.

Влад отвернулся – взгляд опять приковала изображенная женщина в цветах. Она была иллюзией, а слова Сани Пелегина – реальностью. Зотов воплощал в жизнь свою мечту даже не о женщине – о себе и своем отношении к ней, а в жизни все было просто, пошло и совсем некрасиво, зато честно – как у Пелегина.

Этот мир мужской и правят в нем мужчины, и живут в нем мужские правила. И мир не волнует, понял ли ты это, принял или нет. Поэтому лучше побыстрее понять и принять, иначе сомнет.

– Тоже художником стать? – протянул Скиф.

Пелегин вовсе заржал, обнял парня за плечи и повел к дивану к Катерине:

– Из тебя художник, как из меня сапожник. Не смеши мои усы! Не, старик, без обид. Не кормит это ремесло. Предлагаю спокойный и финансово благоприятный вариант – иди к нам, поставлю на аэрографию, будешь прилично получать, не надо в технаре своем маяться.

– Опоздал, уже. Андрон взял.

Лицо Сани вытянулось от разочарования:

– Во, паразит! Умыкнул! Давно к нему подался?

– Вторая неделя, как пашу.

– Нравится? Небось, зажимает?

– Нет, все отлично. Я доволен.

– Граффити тоже можешь? — припала к плечу Пелегина Катерина, а взглядом так и ела стройного юнца со смазливой мордашкой, столь нежной, что не смотри ему в глаза, в которых век прожженного старика, показался бы Скиф вовсе мальчишкой.

Влад улыбнулся ей, хитро и понимающе щуя глаз.

– Котик, что там Зотов с братьями – чудаками задумал. Послушай, а? – посоветовала смяться своему бой-френду Катя. Тот смекнул. Одарил насмешливым взглядом Скифа и подругу, и пошел к мужчинам, а девушка под села ближе к парню, провела ладонью по ноге от ботинка, что он устроил на столе, до бедра, потянула за цепь на ремне:

– Целоваться-то умеешь?

– А ты? – вытащил сигареты, подкурил и подал ей, себе взял другую.

– Обижает, – улыбнулась томно и многообещающе, коготки чуть впились в бедро, намекая, что можно на практике узнать, то, что пока на словах обсуждается.

Скиф заинтересованно оглядел девушку, обнял за плечо и с удовольствием затаился:

– Сколько берешь?

– А ты наглец! – хохотнула Катерина, чуть отстранившись. – Зелень, а язык как у гадюки.

– Цена вопроса.

– Я не проститутка.

– Да? – взгляд парня не верил, и девушка посерьезнела.

– С такими манерами, малыш, ты себе подругу не найдешь, – поднялась и направилась к Пелегину, мигом потеряв интерес к юнцу.

Скиф сплюнул в сторону и глотнул пива:

– Охренеть, как расстроен!..

Домой Скиф явился глубокой ночью, вдоволь прошатавшись по улицам. Прошел в свою комнату и рухнул на диван прямо в куртке и ботинках.

Отец, услышав, что сын вернулся, включил в комнате свет и застыл у дверей, осуждающе глядя на него. Влад не реагировал – лежал и смотрел не мигая в потолок.

Мужчина потоптался и молча выключил свет, ушел к себе.

Макс проснулся не столько от звонка, сколько от поскуливания Макса в ухо: подъем, хозяин!

Что за черт? Два часа ночи! – глянул на дисплей, но вызов принял.

– Срок, – услышал и мигом проснулся.

Минута раздумий и мозг выдал нужный вариант ответа:

– Завтра в одиннадцать при съезде с КАДА на Мурманку.

– Одиннадцать вечера. Я тебя найду.

– Чтоб больше не встречаться.

В трубку хмыкнули и раздался гудок, потом повисла тишина. Все что нужно – сказано.

Взгляд мужчины упал на фото на стене – он и Том.

– Ну, вот и все, «братишка», – то ли сказал, то ли прошипел.

Кинул трубку на тумбочку и опять залез под одеяло.

На следующий день, ровно в одиннадцать вечера, перед его машиной остановилась потрепанная «лада». Максим не сразу сообразил, что она по его душу. Но водитель посигналил фарами и мужчина оставил свое удивление при себе. Вылез нехотя из прогретого салона на промозглый, пропитанный осенним дождем воздух, прошел к машине и сел рядом с водителем. Выставил кейс. Водитель открыл его, глянул на ровно разложенные пачки денег, захлопнул и переложил на заднее сиденье.

– До свидания не говорю. Ни к чему оно, свидание.

– Это точно, – сухо, в тон мужчине подтвердил Макс и вылез.

«Лада» плавно тронулась, унося последнюю дань. Теперь Максим свободен – ченч есть ченч и он уплачен. Он отмыл Кону деньги, а тот выполнил его заказ. Точка поставлена – разошлись. И так хотелось бы сказать – теперь я счастлив, да только язык не поворачивался.

Взгляд прошелся по темному, наглухо затянутому тучами небу: если там Бог? Если есть, наверное, должен понять, что выхода у Макса не было.

– Забыли, – приказал себе, вычеркивая прошлое. Прошло.

Поправил перчатки и залез в свое авто.

Глава 3

Утром выпал снег. Скиф месил грейдерами грязь, и не замечал никого вокруг, как всегда погруженный в свои мысли.

У моста, уже знакомая собака чуть не сбила его с ног. Встала перед ним, преграждая дорогу и, виляя хвостом, заглядывая в глаза. Влад не знал, что сказать, сделать. Им овладело щемящее чувство, необычное, забытое настолько, что он не мог дать ему определение. Пес заставил его очнуться и почувствовать себя кому-то нужным. Он явно был рад встрече, и ему, в отличие от остальных, было все равно, кто он, что. Ему не нужно было доказывать свою силу, не нужно было играть роли... вертеть на пальце ключи, взятые от загнанного в сервис на аэрографию ягуара.

– Привет, – хрипло выдал парень, и смутился собственного голоса, собственных чувств.

– Макс! Ко мне! – послышался окрик за спиной, впрочем, немного ленивый. Скиф обернулся – вчерашний любопытный – высокий мужчина в теплой светлой куртке смотрел на него исподлобья и чуть похлопывал свернутым в руке поводком по ноге. Овчарка взяла старт с места и понеслась к нему. Скиф почувствовал разочарование, оно слишком больно кольнуло его. А разобраться – кто он псу? У него есть хозяин.

Парень, ссутулившись, пошел своей дорогой.

Максим же, стоял и как примороженный к месту, смотрел ему в след, не обращая внимания на заигрывания собаки, желающей еще побегать и поиграть.

Мужчине очень не нравился этот тинейджер, но еще больше не нравилось чувство, что рождал его вид – тревоги, глубокой и необъяснимой как НЛО. Все та же распахнутая куртка, тонкая футболка и волосы ежом, а снег шел не на шутку, кружил под порывами северного ветра, обжигая лицо. Мальчишка может схватить пневмонию, если будет ходить в таком виде. Что за беспечность, что за патологическое наплеватьство на себя?

Да, какое тебе до него дело?! – возмутился сам на себя и потащил недовольного прерванной прогулкой Макса домой.

Привычный завтрак: омлет и чашка кофе с молоком, стакан апельсинового сока. Мужчина закурил, поглядывая в кремовую жидкость, дымок, что вился над чашкой и вновь вспомнил мальчишку, который сгорбившись загребал ботинками месиво из снега, удаляясь по улице, и полы распахнутой куртки, что превращали его в огромную черную летучую мышь. Что-то не давало Максиму покоя, что-то не вязалось, не связывалось, настораживало.

Вторая встреча? Случайность?

У него уже не было неприязни к мальчишке за выкинутый дневник, он и сам закинул его в глубь ящика рабочего стола и с удовольствием забыл. А сейчас вспомнил.

Может, за ним возвращался парень?

Зачем тогда брал, выкидывал? Отдал бы хозяйке.

Наверное, его зовут Дима.

Мужчина затушил сигарету и решительно поднялся, оставив кофе недопитым, а сок нетронутым.

Стоит дочитать дневник, а потом судить. Конечно сахарная вата с перепадами в черную желчь и явное умопомешательство – не его любимый жанр литературы. Но возможно в этой мыслительной каше есть что-то, что пока ему неизвестно, есть что-то, что может оказаться важным. Может, он поторопился клеймить хозяйку дневника, и девушка действительно нуждается в серьезной помощи. А он, как этот ненормальный, просто отпнул чужую жизнь, потому что она показалась ему не такой яркой и впечатляющей, какой он нарисовал себе сначала.

Главное не забыть забрать дневник из стола. Впереди выходные, делать все равно будет нечего. Пара современных авторов боевиков подождут. По сути, их произведения не лучше записи в дневнике. Или самой жизни.

Скиф только вырвался за ограждение к техникуму, как тут же получил подножку. Но успел сгруппироваться и уже падая, зацепить напавшего сумкой. Удар в челюсть ботинком, не раздумывая и, Щеглов взвыл. Он так и остался лежать в грязи, подвывая и с ненавистью глядя на Скифа. А тот отряхнулся и, не глядя на троицу друзей Щегла, попер к входу. Правда, не сильно надеялся дойти, спиной чуя жажду рукопашной. Так и случилось.

Кнут напал первым – цепь свистнула над ухом, вводя проходящих девчонок в шок. Послышался испуганный визг и крик. Скиф успел отклониться и, подскользнувшись, уже падая, въехал ботинками в ноги Кнута. Удар Серого и пиннок Одина достигли цели – Влада свернуло, на миг стало темно перед глазами, но с секундным беспомощием пришло и слепое озверение. Он вскочил легко, не чувствуя ни тела, ни боли. Удар в колено одному, в лицо другому прямо шипами на перчатках.

Его били, он бил – сколько длилась драка, кто кого – не понимал, не видел, не соображал. Кто-то оттащил его, держал, а он все скалился и пытался достать уродов. Но потихоньку очнулся, чуть успокоился и будто прозрел. Кнут и Щегол утаскивали Одина, пригрозив кулаком парню и выдав списком изысканные ругательства и грозные пророчества.

– Отвали, – стряхнул руки Кабана и Грини Скиф, оглядел куртку и сплюнул кровь в снег – порвали, суки.

Сумка?..

Маша молча протягивала ему ее и смотрела во все глаза с сочувствием.

– Пойдем ко мне. Я тут в двух шагах живу. Тебе умыться надо и...

– Выпить, – сплюнул опять парень. Привкус крови был для него, как красная тряпка для быка. И пошел, прихрамывая на выход, слабо еще соображая, куда и зачем.

Маша несмело двинулась за ним, уже жалея, что предложила помощь. Одно успокаивало, судя по тому, как шел Скиф, ему действительно нужно было внимание. За оградой он даже уцепился за прутья, чтобы устоять. Маша поддержала и тут же была резко отодвинута:

– Не вяжись, – процедил тот и пошел, шатаясь, но явно не видел куда.

В итоге, девушка почти затащила его на себе на второй этаж, помогла сесть и снять куртку. Без нее он показался ей худеньким и беззащитным. Но приложился к бутылке водки, как старый алкоголик-здоровяк.

– Вообще-то, это чтобы раны обработать, – с укором заметила Маша.

Скиф скривился, прижав руку к разбитой губе и, смерил девушку далеким от благодарности или обычной любезности взглядом.

– Уже, – заверил.

– Почему ты такой? – качнула головой.

– Какой? – прохрипел, лишившись бутылки.

– Как ерш, – смочила водкой ватный шарик и принялась промокать ранки на лице. Скиф чуть поморщился, внимательно следя за ней и словно стал нормальным, почти приятным парнем.

– Почему вы такие злые, зачем? – вздохнула.

– А ты зачем добрая?

– Разве это плохо?

– Мне нет, – пожал плечами. – А тебе еще аукнется.

Маша улыбнулась:

– Конечно. Для того добро и делают, чтобы добром возвращалось. А зло возвращается злом.

– Тебе баксами или местными тугриками за медпомощь заплатить?

Маша отодвинулась, потеряв улыбку. Подумала и предложила, решив, что обижаться на избитого и, видимо, сильно искалеченного душой мальчишку, не стоит.

– Давай дружить?

– В смысле – трахаться. Извини, куколка, сейчас не в форме, – провел по ее лицу ладонью и... получил по щеке.

Плюха была звонкой, сильной. Скифа мотнуло, перед глазами звезды замелькали. Он чуть не рухнул, теряя сознание, но испугавшаяся Маша успела подхватить, уложила на диван и сунула подушку под голову:

– Ну, почему, почему ты такой?! – воскликнула, еле сдерживая слезы.

– Что ты видишь грязь, где ее нет?! Неужели нельзя просто дружить, общаться по – человечески?! Почему обязательно трахаться?!

– Хорош верещать, – просипел Влад и, девушка стихла, сообразив, что парню и без ее нотаций плохо.

Ушла на кухню сварить кофе и достать лед. Приложила его к покалеченной скуле и губе.

Скиф смотрел на нее из – под полуопущенных век и казался не только нормальным, но и красивым. Только сейчас Маша поняла, почему девчонки засматриваются на него, интересуются им.

– Когда ты молчишь, ты очень симпатичный, – заметила тихо. — Как киноартист или поп-звезда.

– И что?

– Ничего, – поправила ему волосы, как сестренка братику. – Прическа не айс.

– Много ты понимаешь.

– Писк, да?

– Угу.

– Мышиный?

Скиф моргнул и вдруг засмеялся. И поморщился от боли, прижал руку к ране, но получилось, накрыл Машину руку. Какой-то миг соприкосновения, а девушка вздрогнула от неожиданности – пальцы у него были горячими и нежными.

«Только не влюбись», – посоветовала себе и услышала слово в слово:

– Только не влюбись.

Скиф сел и мотнул головой, гоня наваждение от боли, гул в ушах, темноту перед глазами.

– Кофе есть? Башка гудит. Щегол – сука... Ладно, поквитаемся, не проблема. Ну, что смотришь, дева Мария? Кофе, спрашиваю, есть?

Маша очнулась, кивнула:

– Да... Сюда принести или за стол пойдем?

– За стол, – тяжело поднялся парень. – Аптечка есть?

– А? Да, – вытащила коробку из шкафчика и поставила на стол. Влад тяжело опустился на кухонный диван и принялся копать в лекарствах. Вытащил пару ампул, фольготку таблеток.

Девушка наблюдала за ним, разливая кофе по чашкам и, пыталась сообразить, что у нее есть к нему и стоит ли предлагать. По уму Скифу сейчас бы соки и бульоны. А еще лучше в больницу.

Но парень, словно сам закончил мединститут и знал, что делать – опытным движением вскрыл ампулы, вылил их содержимое в рот, и чуть поморщившись, освободил таблетки от упаковки. Засыпал пригоршню и забрал из руки опешившей девушки чашку. Запил и скрипел:

– Горечь! Я тут посижу у тебя с часик, подруга, оклемаюсь. Не погонишь?

Маша вздохнула: все-таки он очень странный и неоднозначный тип.

– Я же сама тебя пригласила.

– Ага, – залез в карман брюк, достал сигареты с зажигалкой, и, не спрашивая разрешения, закурил. Маша так же молча поставила перед ним блюдце под пепел.

Так и сидели друг напротив друга, рассматривая – один с наглым прищуром чуть заплывшего глаза, другая немного ошеломленно.

– Все-таки ты очень странный. Я таких еще не встречала, – заметила.

– Радуйся. Таких, как я нет, и уж тебе такие точно не нужны. Прозвучало это несколько высокомерно, самоуверенно и покорило.

– Не слишком большого мнения о себе, «Дон Жуан»?

– Казанова, – склонил голову в насмешливом поклоне и зашипел от резкой боли. – Блин!

Маша заулыбалась: израненный, а ту да же – колючки выставлять! Ох, мужчины! Ну, дети, право!

– Дурачок ты, а не Казанова, – улыбнулась ласково и спокойно.

Скиф отвернулся – не понравилась ее улыбка, ее мягкий голос.

– Поплыла?

– В смысле?

– От меня, – уставился в упор.

– Я же говорю – дурачок. У меня, между прочим, три брата.

– Да что ты! Все разом пьют или по очереди?

Маша побледнела от неожиданного выпада. С минуту молчала, обдумывая не выкинуть ли придурка из квартиры, не добавить ли к тому что уже получил. И пожалела.

– Нормально разговаривать умеешь? Что, как еж? Что не скажи – колючки выставляешь, гадости городишь. Я про братьев речь завела, чтобы знал и глупости не городил. Один брат в армии, второй в мореходке – приходит в увольнительную, третий сейчас на работе, – смягчилась. Не во время она наезжает. Потом, как в себя придет, тогда уже за шипы свои по ушам получит.

– Три брата – это здорово, – хлебнул кофе Скиф – тон стал примирительным. — Защита?

– Да. А у тебя есть братья или сестры?

– У меня есть золотая рыбка, зовут Марфа. Знаешь, за что ее люблю? Молчаливая до не могу.

Маша хлопнула ресницами и не сдержалась – рассмеялась. Слишком серьезным тоном было сказано и, она даже сначала не поняла, что парень шутит.

– Ну, ты клоун.

– Клоуны на арене, куколка. Я на них похож? – тут же опять нахохлился Влад.

– Не обижайся, я в хорошем смысле.

Скиф бы продолжил прения, но состояние было аховое. Лекарства не действовали. Его мутило и голову нещадно давило.

– Слушай, подруга, можно я у тебя бай завалюсь? Хреново, что-то, – признался. – Мне часа два и буду в норме.

– Не вопрос, – согласилась девушка. – Сейчас на диване постелю, посиди пока.

Она ушла, а Скиф уткнулся лбом в ладони. Боль, черт ее дери, как не привыкай к ней, не привыкнешь. Все же она не естественное явление.

– Влад, давай помогу, – с тревогой коснулась его девушка.

– Откуда знаешь, что я Влад?

– Уши есть, – помогла ему подняться и дойти до постели. – Врача тебе надо. Давай «скорую» вызову?

– Нет, – отрезал.

И забылся, только коснувшись головой подушки. И не почувствовал, как девушка стянула с него грейдеры.

Макс вытащил дневник из ящика и оглядел обложку – серая, невзрачная, ни одной наклейки или рисунка фломастером, обычных девчачьих сердечек и прочих примочек.

Пролистал до того места, где в прошлый раз закончилась страница, и начал читать следующую. На этот раз девушка уже писала от своего имени:

«День прошел, второй. Дима как ушел тогда с обоями, так и пропал – ни вестей, ни звонков. Я извелась.

– Бросил женишок, – язвительно уколола Жанна.

– К лучшему, – отмахнулась мать.

– Наверное, передумал, – предположила Люба, а я их не слушала, об одном думала – не случилось ли чего. Сама позвонила. Раз, два, десять – телефон как мертвый. После занятий домой к Диме поехала, перепугавшись – не может он исчезнуть, на телефонные звонки не отвечает. А если правда передумал – пусть в лицо скажет. Да не может такого быть! Все было хорошо, обои уже купили, свататься собирался, да и про свадьбу не я – он разговор завел, он предложение сделал, а не я ему навязывалась. И не тот человек Дима, чтобы чувствами играть.

Хотя лучше б играл, чем под машину, в больницу или куда хуже, в морг попал. Думать о том не хотелось, но мысли одна другой хуже сами в голову лезли. Бросил или что-то случилось? Только это занимало мой ум. Только в это верилось и не верилось одновременно.

В дверь звонила, внутренне дрожа, ждала замерев. И как не пыталась от плохого отделиться, прогнать вон, но картинка, в которой Дима открывает дверь и гонит меня от порога, встала так четко, что я вздрогнула и отшатнулась, услышав как щелкнул замок.

Но дверь не Дима открыл – его младший брат, Саша. Оглядел с ног до головы и плечами пожал:

– И чего?

– Привет.

– Ну?

– Диму позови.

– Ага. Каким Макаром интересно? В больнице он, в реанимацию залетел.

Я потерялась от такого известия:

– Как?!

– Молча! Тоже мне, невеста нашлась – что с женихом понятия не имеет.

Я отмахнулась – мне было все равно, что он там говорит не по делу, мне было важно где Димочка, что с ним.

– В какой больнице Дима? Как попал, когда? Что случилось? Второй день звоню...

– Говорю, в больнице. С почками чего-то. Мать там.

– С почками?.. А где, в какой?

– В нашей! Второй этаж, реанимация.

– Я пойду, – вниз ринулась.

– Эй! Все равно не пустят! – донеслось в спину. А мне все равно, ноги сами в районный стационар понесли.

Не шла, почти бежала и все думала: с чего с почками, почему? Что могло произойти? Напоролся на любителей ночных разминок и спаррингов? Так вечером расстались, не так уж темно было, да и дорога спокойная, хулиганья нет. Что же тогда? Насколько опасно? Может, я чего-то не знала о Диме? Может он хронически болен, стоит на учете у врача и стеснялся сказать? А может он разыгрывает? Да нет, не шутят так. Может, повредил что-то при падении тогда? Опять же, не может быть. Из – за ерунды в реанимацию попасть?

Не верилось.

В больницу влетела, фамилию назвала и отворот поворот получила.

– Да, есть такой, Кислицин. Два дня назад поступил. В реанимации. Туда нельзя.

– Как же увидится, узнать, что с ним?

– Переведут в общую палату тогда и увидите и поговорите, – отрезала женщина.

Я вышла, на скамейку у приемного покоя села: куда идти, кому звонить, что делать – не знала. Мыслей много, но ни одной дельной. Пусто в душе, страшно и до слез жалко Диму и себя, будущее.

На скамейку рядом Наина Федоровна села, а как появилась, откуда, я даже не заметила:

– Ты-то чего здесь? – спросила. Лицо серое, взгляд пустой, голос отстраненный, тихий.

А мне спрашивать страшно – такая она, что лучше не знать с чего. С минуту молчала – не выдержала:

– Здравствуйте, – прошептала. – Я к Диме.

– Так не пускают.

– Что с ним?

– Плохо, – отвернулась женщина. – С работы прямо увезли, сюда.

– Да что случилось-то?!

Наина Федоровна молчала, старательно отворачиваясь, мне силком ее пришлось к себе повернуть. Я готова была вытрясти из нее правду, готова была сорваться, раскричаться, возмущаясь молчанию эти два дня и сейчас. Но увидела слезы в глазах матери Димы и сама всхлинула, уткнулась ей в плечо лбом: страшно за него стало до одури. Отчего-то показалось, что хорошего не будет, кончилось. И спрашивать о чем-то вовсе расхотелось.

– Поплачь, – приобняла ее женщина. – Только и остается.

Я совсем перепугалась, затихла: если мать с обреченностью говорит, будто хоронит, значит, дело плохо. Но зачем так, словно хоронит?!

– Да что с ним?! – не выдержала, возмутилась. Как она может о сыне, как о смертнике?!

– Почки отказывают, – носом шмыгнула, за носовым платком полезла и вдруг разревелась, закачалась. – Ой, Боженьки! Что ж это, а? Врач говорит – худо. Гемо... ализ нужен какой-то, лекарства. Они как могут, но... не могут. А я могу? В клинику его надо, к специалисту какому-то в соседнюю область. Там они чего-то делают. А клиника дорогая. Этот обсчитал день пребывания да лечение – у меня волосы дыбом. Где ж я им такие денжиски возьму? А не переведут туда Димочку, здесь – то ни за что не ручаются. Почки-то травмированы, нагородил мудреного, поди разбери. И что мне? Куда теперь, как?

Я замерла: травмированы? Значит, то падение на обои сказалось? Чушь ведь... А видно правда. Деньги?... Деньги... Помочь...

– Как с врачом поговорить?

– Ай, – отмахнулась. – Иди ты домой да ищи другого жениха. Не до того теперь ни нам, ни Диме.

– Не собираюсь я никого искать, что вы такое говорите?! – как она вообще может так говорить?!

Женщина плакать перестала, на меня покосилась и опять в слезы:

– Кончились планы. Не судьба вам. А уж как Димочка мечтал, как загорелся-то! „Варечка, Варюша“ – все уши прожужжал. Вот оно счастье, миг и нет его. Куда теперь, что? Нужен тебе инвалид-то? И то, если выживет, – и заревела – белуга, белугой.

Я обняла женщину:

– Успокойтесь. Мы что-нибудь придумаем.

– Ай, – отпихнула Наина Федоровна. Руку к груди прижала, выдохнула всхлинув. – Четыреста пятьдесят тыщ цена жизни сына моего! Куда мне? Где? Скоро нужны, вчера еще. А я где? Квартиру продать – других детей без крова оставить. Занять? Кто ж такие деньги даст? Отдавать опять как?

– У меня есть, – прошептала я. – Мама на расширение жилплощади копила.

Наина Федоровна плакать перестала, уставилась с надеждой. Глаза платком оттерла:

– Ты... всерьез, что ли? Димочка говорил, что души ты щедрой, но... – и вцепилась в меня как клещ. – Неужто не бросишь? Неужто вправду не уйдешь? – в лицо выдохнула, не веря.

– Люблю я его, – прошептала, глаза пряча. Не по себе мне было в сокровенном признаваться, но что правду скрывать?

Наина Федоровна помолчала и вдруг в лоб меня поцеловала, обняла:

– Благослови тебя Бог, девочка. Чтоб там не было потом, а досталось все ж Димочке счастья, повстречал голубку.

– Вытащим мы его, верьте!

– За тебя он из могилы встанет. Не сыскать такую больше, а он не дурак, знает. Сразу оценил. А меня прости, если чем обидела. Племя-то ваше нынешнее уж такое непостоянное, что и веры нет. Не рассмотрела я тебя, прости.

– Что вы, – смутилась – совсем она меня захвалила, только не по делу.

– Не плачьте главное. Сейчас надо Диме помочь. Как с врачом поговорить?

– Так у себя он: Колыванов Михаил Иванович. На второй этаж, – и засуетилась, халат вытащила. – У соседки взяла, она медсестрой в детской поликлинике. Только чего ты пойдешь, все уж сказано четко. А впрочем, иди, – помогла мне халат надеть. – Я здесь с курткой твоей посижу, подожду. Ты наверх сразу, скажи к Колыванову, он, мол ждет.

Но меня никто ничего не спросил. Я юркнула за двери и пошла по длинному пустому коридору к лестнице. На втором этаже никого, только дверь железная с табличкой „реанимация. Посторонним вход запрещен“ и звонок. Долго мялась – не по себе было – и нажала кнопку.

Колыванов оказался высоким, молодым мужчиной с ехидным прищуром глаз. Услышав, что посетительница невеста Кислицина, улыбнулся:

– Жених ваш, значит? А что от меня надо? Я его матери все сказал.

– Мне скажите. Михаил Иванович оглядел меня и спросил:

– Учитесь?

– Да, на бухгалтера.

– В медицине понимаете?

– Нет.

– Тогда что вам объяснять? Десять минут назад язык смозолил втолковывать. Хотите повторения? Ладно. Состояние Кислицина тяжелое. Миоренальный синдром, ренальная дисфункция...

– Подождите, синдром этот как вообще.

– Он не вообще, девушка, он в частности. Рабдомиолиз вызывает. Отвратительная штука.

Я заподозрила, что Колыванов специально меня терминами мудреными запутывает, пугает. А куда больше пугать? И так чуть жива от страха, но не за себя.

– У Димы с почками...

– С почками, девушка, с почками, – оглядел меня вновь, словно вслух сказал: сдался тебе молодой и красивой смертник. – Из анамнеза следует, что жених ваш слаб по этой части.

– И?

– И – что?

Я все больше терялась: что спрашивать, что делать?

Вопросы пропали, мысли разбежались, одна лишь осталась: зачем пришла, что узнать хотела?

– Это от травмы, да?

Колыванов удивился, хмыкнул:

- Ну-у... В вашем случае травму бы я не исключал. Причем с обеих сторон.
- То есть?
- Видите ли, уважаемая невеста, нормальные нормальных выбирают, а вашего жениха к разряду оных я причислить не могу. Мало кому в голову придет нарочно калечить себя в надежде смыться пораньше из рядов Вооруженных сил.
- Я совсем запуталась: это причем, к чему?
- Дима отслужил...
- И был комиссован. Отравление сулемой. Очень юноше видимо домой хотелось, к вам, наверное.
- Что за ерунда? Что он говорит? – я не понимала:
- Откуда вам знать?
- Сам сказал. Я спросил, он ответил.
- Где он сулему взял, зачем ему?
- Это у него нужно спрашивать. Мне лично неинтересно – думаю, на эту тему было не мало вопросов задано и столько же ответов получено. ЧП, между прочим, для воинской части. А вам урок на будущее: о прошлом своего названного супруга нужно узнавать до того, как строишь планы на совместное будущее.
- Я ничего не понимаю, – призналась.
- Или не знаете? – протянул, изучая мое растерянное лицо. – Вижу для вас все это новость. Н-да-а, тогда оставим.
- Вы мне скажите, что с Димой сейчас.
- Обострение. Острая почечная недостаточность. Есть подозрение на некроз. А что такое некроз? Отмирание тканей. Нужно детальное обследование, что сейчас и проводится. Но, учитывая интерстициальный нефрит в анамнезе, то есть, отравление сулемой, и в следствии получение данного нефрита, постановка миоренального синдрома не составила труда. Отсюда вывод и прогноз – неблагоприятный. По-русски, парень сам себя искалечил. Требуется серьезное лечение, которое мы провести не можем. Ему требуется перевод в специализированную клинику, тогда будет шанс...
- Вылечиться?
- Выжить, – отрезал Колыванов: надоела ему посетительница. Глупа невероятно. Курица, одно слово.
- А?..
- Отмирание тканей, девушка. Понимаете, что такое, когда почки отмирают, нет? И не дай вам Бог...
- А клиника?
- Профессора Подгорного в Слобде. Платная.
- Слобда? Это же двести километров отсюда.
- Ближайшая. Могу предложить еще Москву и за границу. Но вряд ли вы потяните. А у Подгорного более менее дешево. Помощь квалифицированная. Кстати, это единственный шанс Кислицина не умереть.
- Я сникла. Мысль о смерти Димы была невыносима и оказалась не бредом, не выдумкой – правдой.
- А срок?.. И сколько надо?
- Срок? Чем скорее, тем больше шансов. По сумме я уже информировал маму Кислицина.
- Четыреста пятьдесят?
- Пятьсот, – кивнул. У меня горло перехватило, в голове пусто стало:
- Когда можно будет?.. – просипела.
- Хоть сегодня. Звоним в Слобду, потом заказываем перевозку и отправляем больного. Оплата с момент поступления...

– Я о том, когда увидеть его можно будет.

Колыванов помолчал: а что скажешь? У него, наверное, сложилось впечатление, что разговаривал он со стеной и она, понятно, ничего не поняла, потому что не услышала.

– Исключено, – бросил. – Вашему жениху, уважаемая невеста, сейчас не до свиданий.

Вышло это желчно и обвиняюще и мне захотелось сбежать.

– Спасибо, до свидания, – прошептала, развернувшись, но остановилась. – Как будут деньги, так...

– Звоните мне и мы отправляем его в клинику. До свидания, девушка, – сбрыкала дверь.

Я сползла вниз, вышла на улицу, дрожая от противоречивых чувств. Многого еще не дошло до меня, не принималось, не укладывалось.

– Ну, что? – поднялась навстречу Наина Федоровна.

– Деньги. Я за деньгами, – прохрипела, освобождаясь от халата. – К маме. А потом...

А что потом?

Сулема. При чем тут, сулема?

– Ты что, деточка? С лица совсем спала.

– Дима травился? – с непониманием на женщину посмотрела. Та отшатнулась, руками замахала:

– Да Бог с тобой! Это что за напраслины?!

– Врач сказал...

– Врач! Ты слушай их! Они такого нагородят, что до конца дней не разберешь! Выдумали „отравился“! С какой-такой радости?! Ты мне парня не черни. Смотри ты, туда же, а еще невеста, „люблю“ говорит!

– Да я ничего, просто спросила...

– А ты не спрашивай и глупости не городи. И вообще, сами обойдемся раз так! Не нужна нам помощь!

– Наина Федоровна, простите! Я просто так спросила, честное слово. Но даже если... Какое это имеет значение? Мне все равно, главное чтобы Дима выздоровел. Я к маме сейчас, поговорю и вам позвоню. Она деньги даст и мы с вами Диму в клинику переведем. Там профессора ему помогут.

Женщина чуть успокоилась, но все равно еще изображала обиду, в сторону смотрела, стараясь выглядеть гордой. А мне нехорошо было – обидела ее.

– Ладно уж, чего не бывает, – снизила наконец. – Звонка от тебя ждать буду, беги. И Господь тебе в помощь, – всхлинула. – Одна надежда на тебя.

– Я помогу, все будет хорошо, – заверила женщину и ринулась по больничному скверу на выход.

Мама даст денег. Она не откажет, ведь речь идет о жизни и смерти...

Я тогда понятия не имела, что меня использовали. Мысли такой не возникло. А все оказалось пошло и так... грязно!

Наина Федоровна быстро сообразила, что помощи ей с сыном неоткуда ждать, а девушка сама предлагает. Не надо ее отталкивать. И не оттолкнула, елея налила, примашила, как муху.

Впрочем, что ее винить – она мать. Я сама во всем виновата, только я».

Максим крутанулся в кресле, отодвигая дневник: ничего себе сумма для небогатой девочки.

Зачем вообще ввязалась?

Известная схема: пока нужны деньги – человек тебе пуд лести выдаст и прогнетя до пола, на божничку поставит, а получил и – ты свободен.

Банально.

Но когда с таким в первый раз сталкиваешься, действительно может подкосить.
А мать у нее дура, если деньги даст...

Тренькнул телефон. Макс глянул на дисплей – Сусанна. Ого! Деньги у кисы закончились?
Почти две недели ни привета, ни ответа, а тут – здравствуй. Прямо в тему звонок, — хмыкнул.

– Доброе утро или день?

– Доброе, – мурлыкнула та, не обратив внимания на подколку. – Как спалось?

– Плохо, – выдал с фальшивым огорчением. – Тебя же не было рядом.

– Ну, не дуйся. У меня фантазия кончилась, что маме про свое отсутствие говорить. Надо было уважить родительницу. Ты же не хочешь, чтобы она считала меня дурной девочкой? – томно пропела Сусанна.

Ааа, теперь у нас другая идея-фикс актуальна: пора к берегу, дорогой, к фате, фракку и маршу Мендельсона.

Не-еет, киса, только не с тобой. Упаси все святые от таких жен. Была одна подобная – до сих пор икается.

– Я тебе «штуку» перевел – задобри мамашу.

– Все бы тебе откупаться.

– Забрать обратно? Женщина засмеялась.

– Между прочим, я присмотрела кое-что, хотела бы твое «одобрям» услышать.

– Нет, киса, от шопинга меня уволь.

– Ну, почему ты такой бука, Смелков? – тут же надулась блондинка. – Я же тебя не на край света зову и не под венец.

И что она в ответ услышать хочет? – хмыкнул про себя Макс. На том конце связи упорно молчали, ожидая реакции. «Жди, Сусанна, жди», – уже открыто ухмыльнулся мужчина и услышал томный вздох.

– Все-таки ты редкостная... душка! Я присмотрела дивные гарнитуры. Франция, между прочим.

– Да ты что? А без меня Франция на твой бюст не натягивается?

– Опять работа, да? – смекнула. — Она тебе свет застит? Послать не хочется? – голос женщины потерял жеманство и обрел нотки недовольства и стали. Как Сусанна под милую кошечку не маскировалась, а тон, взгляд нет-нет истинную породу ее выдавал. Это забавляло порой Макса, а порой вызывало любопытство: как долго она милую и безобидную дурочку изображать будет. Когда, при каких обстоятельствах свое истинное личико откроет? Но женщина стойко держала маску. И ему стало уже в принципе все равно на нее. Ничего нового в этом мире.

– Извини, я еду, разговаривать неудобно, – солгал легко, желая быстрее отделаться от разговора и любовницы разом.

– Ладно. Привет макетам и проектам! – бросила Сусанна, не скрывая ревности к его работе, и отключила связь.

– Мама ж ты моя дорогая, – тихо протянул Макс, откладывая телефон.

– Если мы к работе, будучи любовницей ревнуем, что будет если статус сменится?

– Максим, – влетел в кабинет Костя. – Чего сидим, чего трубку не берем?

– Что случилось? – спросил мужчина, уже понимая, что начался аврал и теперь не до дневников девочек, потерявших веру в людей и человечество, не до вздоров и вздохов Сусанны.

Маша бродила по кухне, то и дело заглядывая в комнату. Прошло полдня, в залу прокрались сумерки, а Скиф все спал.

Девушка все чаще подходила к нему и всматривалась в лицо, прислушивалась к дыханию, и корила себя за то, что не настояла на вызове врача. Ее тревога росла, а парень сопел

и морщился во сне. Спал он очень беспокойно, то крутился, то стонал, то вскрикивал, словно мучило его что-то, и это еще больше выводило Машу.

А если он получил серьезные травмы? Более серьезные, чем бланш под глазом и разбитая губа? А если он сейчас умирает, а она ничего не предпринимает.

Девушка решила его разбудить, но не успела дотронуться до плеча, как Скиф открыл глаза и уставился на нее:

– Который час?

– Эээ... наверное около семи или восьмой час...

– Кофе сделай, – сел и взъерошил и так стоящие дыбом волосы.

Его безапелляционный тон, почти хозяйский, обескураживал Машу. Она терялась, не зная возмутиться или молча послушаться, и заметила, что опять выбирает второй вариант. Но самое паршивое, она готова была признать право Скифа на приказы, хотя не терпела подобного даже от братьев, даже от матери.

– Вам в постель, граф, или ну его? – только и смогла уколоть. Впрочем, неуклюже, глупо – и сама это понимала.

– Ну, его, – усмехнулся Скиф. Поднялся, размял шею и Маша подумала почему-то про перчатки – он их снимает когда-нибудь? На шипы сам-то не напарывается?

– Ты байкер или гот? – спросила, разливая кофе по чашкам, придвинула печенье в вазе ближе к парню. Тот хлебнул кофе, высыпал добро сахара в чашку и достал сигареты. Закурил и только тогда с прищуром глянул на Машу:

– Робин Гуд.

– Перчатки не мешают?

– Курить?

– Лук натягивать.

Парень хмыкнул, склонил голову до вазы с печеньем, скрывая лицо. И Маша невольно улыбнулась, приняв это за попытку скрыть от нее, как и от других, какой он на самом деле.

– Ты же совсем другой, я же вижу. У тебя очень добрая улыбка и глаза, как...

– Бирюза, – закончил за нее, уставившись исподлобья. – Приплыла что ли? Чего под бок не легла?

Девушка поджала губы, взгляд стал неприязненным. Ей так и хотелось осадить его, но язык не повернулся, вовремя достойного ответа не нашлось. Маша видела кровоподтек на скуле и над губой и понимала, что ему больно, и уверила себя, что Скиф как любой больной просто капризничает, выказывает свой нрав, не потому что он паршивый, а потому что так проще скрыть боль. Мужчины не любят, когда их жалеют, мужчины всегда перебегают к нападению, если чувствуют что кто-то переходит границы их территории. И Скиф не исключение. Сейчас его территорией была его боль, его тело, его душа, и он не хотел касаться темы себя.

И Маша понимала его, и, наверное, поступала бы так же. Правда, на столь вопиющую грубость ее бы не хватило.

– Не стоит обижать людей, которые хорошо к тебе относятся, – заметила и встала. Вытащила из холодильника колбасу и масло, принялась мастерить бутерброды.

– У меня братья точь в точь как ты. Миша, помню, в аварию влетел, так его не задеть было. Я с вопросом, а он кричать. Дети вы.

– Мы?

– Мужчины. Везде и всюду хотите проявлять силу, силу выказывать. Но вы же люди, а любому человеку бывает больно, бывает одиноко или плохо. Но разве он слабый, если находится тот, кому не безразлично, что у него на душе? Тот, кто хочет помочь.

– Ты мне помочь хочешь? – деланно удивился Скиф, шурясь на нее из-за табачного дыма.

– Хочу. Резкий ты, а почему? Зачем? – поставила перед парнем тарелку с бутербродами. – Кушай.

Скиф внимания на пищу не обратил – Машу изучал:

– Всем помогаешь?

– Нет. Только тем, кто нравится.

– Я нравлюсь?

– Да, – не стала скрывать.

– Чем? – он явно насторожился и действительно удивился. – В своем уме, мать? Любая нормальная телка меня стороной обойдет. Я головная боль, куколка, я твой кошмар, я экстрим в ботах. Ты на себя в зеркало посмотри. Домашняя курочка, прилежная, хозяйственная, заботливая. Тебе телка надо, чтоб ты ему сено давала и по холке гладила, а тот бы млел и стоял, где поставили.

Маша насупилась, смотрела на него не мигая:

– Много ты понимаешь.

– Не прав? Девочка созрела для приключений? Бурной страсти, романа за гранью реальности, взрыва, драйва.

Он усмехался, в глазах вспыхивали огоньки, зрачки то расширялись, то сужались. Он смеялся, он издевался и изучал.

Маша подперла щеку рукой и с улыбкой смотрела на него: мальчишка, как есть – мальчишка. Сорванец, глупенький, неприкаянный, не знающий что такое любовь, но уже познавший пошлость секса, и думающий что это и есть отношения между мужчиной и женщиной.

– Чего лыбишься? – разозлился.

– Над тобой. Такой весь крученный – верченый, а на деле – дурачок. Парень сверкнул глазами и вдавил окурок в блюдце. Поднялся:

– Притомила ты меня, – поддернул штаны и попер в коридор. – Привет братовьям.

– А «спасибо»? – все с той же улыбкой спросила Маша.

Скиф накинул куртку и взял сумку, только тогда удостоил ее взглядом. Помолчал и нехотя кинул:

– Спасибо. Кофе варить умеешь. Запомню.

И вышел, не сказав «до свидания».

Дверь хлопнула, а Маша так и осталась стоять, подпирая косяк и улыбаясь. Не смотря на неоднозначность Скифа, меж ними явно появились отношения, иначе бы он не сбежал. Значит, зацепила, значит и он почувствовал то же влечение, что и она.

Девушка посмотрела на себя в зеркало и поправила волосы, подмигнула своему отражению и улыбнулась. В душе зарождалось робкое чувство. Она была уверена – жалость и не понимание. Вчера уверена, а сегодня, сейчас отчетливо поняла другое – Скиф ей нравится. Даже его хамоватость, даже его угрюмость и резкость. Она подозревала, что это напускное, что это какой-то протест и его форма одежды, и манеры тоже определенная форма протеста против чего-то – может быть, системы, может, мира вообще. Но это значило, что он смел и неординарен, что умен и силен достаточно, чтобы выживать и жить, не ломая себя, не гнущаясь под принятые рамки.

А руки у него нежные, – вспомнилось. И Маша засмеялась: Скиф совсем не такой, каким себя выказывает. Он определенно очень добрый и умный парень. С таким нестрашно, такому можно довериться. Правда забияка и грубиян... Но какой красивый! А глаза? Не смотрит – в плен берет.

На душе было тепло и хотелось почему-то танцевать.

Девушка включила магнитофон и закружила по комнате.

Скиф закрылся в ванной, чтобы не слушать нотации отца. Да, мягкие, да жалкие, но самое неприятное было не в этом. Отец переживал, отец боялся, а ему было невыносимо это чувствовать, осознавать.

Влад умыл лицо и уставился на себя в зеркало: отделали, конечно, хорошо, но могло быть хуже.

Завтра надо взять с собой цепь. Если Щегол появится – он его урвет.

Глава 4

Суббота паршивый день – идти на занятия откровенно было в лом, но Скиф заставил себя подняться и двинуть в техникум. Если он не придет, все решат, что Щегол сильно помял его и тем взял реванш. Ни хрена!

Голова болела, тело ломило, видно ребрам досталось неслабо, но Влад вида не показывал – завалил в аудиторию, бровью не поведя в сторону любопытных.

Плюхнулся на свое место, как всегда, ноги на стол вытянул и зевнул, выказывая наплеватьство на всех и вся.

Люся в упор смотрела на него, но сказать что-нибудь не решалась. Зато Маша сказала. Прошла и, молча скинув его ноги на пол, бросила:

– Ты не в баре и сидишь не один.

– Да? – немного растерялся от такой наглости Скиф. – Не много на себя берешь?

– В самый раз, – заверила, выкладывая учебники и тетради на стол. Парня развернуло к ней, полулег на парту, рассматривая слишком пристально. Девушка немного смутилась, но стойко делала вид, что ей, в общем, почихать на его оценку. А оценивать было что: новая блузка, цветастая, а не белая, игривый макияж, неяркий, но достаточный, чтобы выделить достоинства лица, глаз. Волосы уложены.

Скиф понял к чему такие метаморфозы и сгреб свою сумку, кинул ее на соседнюю парту рядом с Логиновой. Рухнул на стул рядом с девушкой. Не вовремя – в аудиторию зашла пожилая учительница, женщина строгая и слишком опытная, чтобы у нее на уроках баловали.

– Скифарин – на место! – бросила не глядя, положила на свой стол журнал и выдала. – Достали тетради. Начинаем тест по пройденному материалу. Скифарин?! Тебя за ухо на место перетаскать?! Или сейчас же садишься на свое место или вылетаешь вон!

– И пролетаешь с тестом, – недовольно заметил себе под нос Влад и нехотя пересел обратно. Маша сделала вид, что вообще не заметила, что он уходил.

А Серафимовская уже писала на доске вопросы и задачи.

– Круто, – оценил Скиф предстоящую контрольную. – Ответы знаешь? – спросил у Маши.

– Угу, – бросила и начала писать в тетрадке, чуть повернув ее к парню, чтобы тому было удобнее списывать.

Если бы не Маша, он бы точно завалился, но что было вспоминать, если пара прошла, а пары не предвиделось? После напряжения двухчасового теста очень хотелось прилечь, но на столе неудобно и Скиф бросил соседке:

– Сходи, погуляй.

– Зачем?

– За бубликами!

Маша хотела огрызнуться, но подумала, что пока не стоит идти поперек и ставить Скифа на место – не приучила еще. Он напоминал ей дикого мустанга, а это очень гордые животные и не каждому на аркан попадут, не у каждого с рук корм возьмут. С ними нужно иметь много терпения.

И девушка взяла книгу, отошла к окну.

Скиф тут же развалился на двух стульях и водрузил ноги на подоконник. Закрыв глаза и проспал всю перемену.

Маша поняла, что парень геройствует, а на деле все еще плохо себя чувствует после вчерашней драки и простила ему все разом.

– Болеешь? – спросила уже на занятии. Тот сонно глянул на нее и заверил:

– С детства.

Она опять готова была обидеться на него, но заметила на перемене, как он втихую закинул в рот какие-то таблетки и попер из аудитории, оставив сумку.

Значит она права – ему плохо. Обида вновь прошла, но появилось мысль, что это не нормально то обижаться, то прощать его. Невозможно так метаться бесконечно, но с ним, отчего-то, иначе не получалось.

Скиф зашел в кабинку, когда никого не было в туалете и, вскоре услышал, как кто-то протопал и словно затащил кого-то.

– Короче, объясняю последний раз, лошарик. Здесь у каждого есть крыша, у тебя крыша я. Усек? С тебя сто баксов.

Кабан, – узнал по голосу парня Влад: опять первокурсников прессует.

Вышел из кабинки, спокойно вымыл руки и достал сигареты. Закурил, прислонившись плечом к зеркалу рядом с Кабаном и Свитой – его верным оруженосцем. Оглядел тщедушного паренька в очках, что забился в угол от наката атлетов, и выдал:

– Опоздал, Кабан. Я его крыша. Уе, – кивнул мальчишке на выход.

Тому дважды повторять не пришлось – не вышел – перетек за дверь в пару секунд.

Кабан недовольно набычился, Свита явно хотел драки. Но не случилось.

– Кабан не дурак, силу чует и на рожон зря не лезет – осторожен. Взглядом выпроводил друга, закурил, поглядывая на Скифа.

– Чего ты все нарываешься, а? Согнулся тебе этот козленок. Скиф усмехнулся:

– Я из Гринписа.

– Чего?! – не понял парень.

– Из общества защиты животных и окружающей среды, – затушил в раковине сигарету и вышел из туалета, понимая, что серьезных разборок не будет.

Тот мальчишка стоял у стены и ждал Влада. Уставился, выжидая видимо какую сумму назначит Влад.

– Лезть будут – скажи, что ты со Скифом, – бросил тот, проходя мимо, и даже не обернулся. Более того, парень вовсе не запомнил случайного знакомого.

Протопал в аудиторию не сказав «здравствуйте» или «извините за опоздание», хотя пара минут пять уже как началась. Лег на сумку и закрыл глаза.

На занятиях Перигина можно поспать. Трусоват тот, молодой, зеленый – слова не скажет. Предпочтет сделать вид, что не замечает игнорирования.

Маша больше смотрела на спящего Скифа и думала о нем, чем слушала лекцию. Ее тянуло к его загадочной личности вопреки доводам рассудка. Еще пару дней назад сказали бы ей, что влюбиться в неуправляемого и настолько брутального парня, она бы посмеялась. Ей всегда нравились интеллигентные, утонченные парни с развитым чувством такта и юмора. Ребята в теле, чтобы можно было прислониться как к скале. И обязательно аккуратные, одетые так, чтобы с ними было не стыдно пройти по улице или посидеть в кафе.

А этот? Что в нем? Худой, жилистый, одет как чучело и прическа под стать. А так и тянет запустить пальцы в его волосы. И веет от него таким же загадочным и чуть островатым ароматом, как он сам.

«Не Скиф, а перец чили», – подумалось девушке. Правда, какой он скиф? Глаза как у героя анимэ – большие, глубокие, и совсем не раскосые. И реснички длинные, пушистые, черные, черные. Когда смотрит, кажется что они подкрашены и глаза словно обведены... Забудь такого. Раз увидишь – впечатается в память, как татуировка в кожу. А лицо, шея? Кожа нежная, нежная, как у девушки. Если его переодеть в девушку, привести в порядок волосы, парни наверняка бы табуном за ним ходили таким длинноногим, красивым...

Маша отвернулась: о чем думает?

В окне транслировалась поздняя осень и, на душе было столь же слякотно, как и на улице.

Что она Скифу? Взять хоть Логинову – все глаза о него промозолила, а Маше не чета: яркая, броская, смелая. Возьмет в оборот пока Маша робеет и не решается. Они уже и ходили в ресторан, сама слышала, как Люся Свете Беликовой хвастала.

Приберет она Скифа к своим ручкам, а Маша останется со своими вздохами и мечтами. С другой стороны – зачем он ей?

Но ведь Люська его доконает, вовсе в идиота превратит. Она хищница, сразу видно, а Скиф и без нее, как ягуар.

«Я просто хочу его спасти», – заверила себя девушка и опять уставилась на парня. Спит, и хоть бы ухом пошевелил. Уши у него обычные, правда розовые, как у ребенка, а ей виделись острые, как у эльфа, и сам казался принцем-эльфом. Пока спал – иллюзия была полной.

А проснется, скажет пару слов, затынется сигаретой и опять все рухнет. Какой он эльф? Орк скорее – грубый, невоспитанный, отмороженный.

Но если за него взяться, привести в порядок: заставить сменить прическу – этот лесной ежик, скрещенный с противотанковыми ежами – на нормальную, ровную. И никаких дредов – они ему не пойдут. Челку на бок, волосы длинные – немного подвить. И рубашечку с хорошей, стильной курткой вместо этой экипировки рокера энд гота.

И вздохнула: тогда к той половине колледжа, что к нему взглядами прилипают, вторая половина присоединится и будет всей толпой бегать за ним – Маше не пробиться станет.

Интересно, у него уже есть подружка?

Маша не выдержала и легонько въехала ему локтем в плечо. Скиф встрепенулся, голову поднял. Уставился сонно на девушку.

– У тебя есть подруга?

Парень моргнул и вдруг скривил злобную мину:

– Дура!

Ой, дура! Зачем разбудила? Тупой вопрос задать?

Отвернулся от нее, опять на сумку лег. Маше досталось его затылок рассматривать. Это ее доконало – решила действовать. Опять чуть толкнула парня.

Скиф поднялся и недовольно уставился на нее:

– Слушай, чокнутая, дай поспать!

– Не шипи – я попросить тебя хотела, за тобой должок, между прочим.

– Какой это? – опешил Влад, уставился на нее раздраженно.

– Я вчера тебе целый день посвятила, удели и ты мне немного времени. Мне надо на Петроградку, а я город совсем плохо еще знаю. Помоги, потом посидим где-нибудь. С тебя кофе.

– С меня? – уточнил, ткнув в свою грудь пальцем.

– Да, – поджала губы, глядя ему в глаза: что непонятно?

Скиф взъерошил ладонью и без того стоящие дыбом волосы и хмыкнул:

– Ну и хватка у тебя, провинциалочка. Это за пару чашек кофе на Петроградку тащиться – на хрена оно мне. Пошли в буфет, куплю тебе буше и газировки.

– Я серьезно.

– Хорошо – бутерброд со скумбрией, – он откровенно смеялся и Маша, уже готовая обидеться и посетовать на себя за глупую идею, прыснула от смеха. И тут же склонилась до стола, чтобы никто не заметил, что им с Владом весело. А тот не скрывал – улыбался хоть и криво. Достал зубочистку из кармана, в рот сунул и давай жевать ее.

– Вкусно?

– Курить хочу – уши опухли.

Посидел, подумал и кивнул:

– Лады. Хочешь на Петроградку – пошли. Но сейчас.

– Сейчас? – чуть испугалась девушка.

– Все равно последняя пара, – поднялся и сгреб сумку. – Жду пять минут.

Предупредил и вышел из аудитории. Перигин онемел на минуту от такой наглости, но как обычно промолчал.

Маша с тоской посмотрела на закрывшуюся дверь и понимала, что храбрости поступить как Скиф у нее не хватит. Однако рядом заерзала Логинова, осторожно закинула тетрадь в сумку под столом и девушка подумала, что та сейчас выйдет за Скифом, и уже они пойдут куда-нибудь, а не она.

Маша решительно поднялась и, взяв свою сумку, пошла к дверям, опережая Логинову.

– Извините, мне очень нужно, – смущенно проблеяла педагогу и выскользнула из учебки.

И пронеслась по коридору, словно черт за ней гнался. Вылетела на крыльцо, на ходу натягивая пальто, и принялась потерянно озираться – Скифа нигде не было.

Ну и кто он после этого? А она? Дура! Нашла с кем связываться.

– Не хрена себе ты кросс сдала, – хмыкнуло над ухом.

Маша чуть не подпрыгнула от неожиданности, обернулась – Скиф стоял у дверей и подкуривал сигарету:

– Я бегать не умею. В лом, – заметил, пошагав к ограде. – На Петроградку – куда конкретно? – бросил через плечо, как одолжение сделал.

Девушка пошла за ним, мысленно ругая себя за идиотский поступок. Навязалась – а зачем? Чтобы почувствовать себя грязью под его ногами?

Девушку передернуло.

– Вот что, – перехватила его за рукав, останавливая. – Давай сразу договоримся: или ведешь себя как человек с человеком или топай куда хочешь. Считаю, что ничего ты мне не должен, – отрезала и пошла вперед.

Догонит или уйдет? – билось в голове. Шагов за спиной слышно не было и Маша мучалась от желания обернуться. Но гордость брала верх.

Девушка так и дошла до метро, встала на эскалатор, уже не понимая, зачем едет и куда. Придуманый повод, специально чтобы иметь возможность побыть со Скифом, рассыпался в прах. Настроение ушло в район подземки и хотелось заплакать от обиды.

Но мимо промелькнула знакомая куртка и не менее знакомый затылок появился перед ее взглядом.

Парень обернулся:

– Так куда едем?

У Маши от души отлегло. Она несмело улыбнулась и перевела дух – у нее получилось. Она взяла верх!

И призналась:

– Не знаю.

Скиф хмыкнул:

– Так почему-то и подумал. Надоело на парах париться, так бы и сказала. Затейница.

Вышло у него не грубо и не зло, а даже почти ласково и Маша рассмеялась:

– Извини, было неудобно просто уйти.

– И одной. Ладно, раз уж спустились в метро, поехали гулять. Покажу тебе город, провинциалочка.

– Я не провинциалка, я из Екатеринбурга.

– Мегаполис, – кивнул с насмешкой и, поддерживая ее на спуске с эскалатора, направил влево. – Предлагаю двинуть на Горьковскую, покажу тебе здание Ленфильма и пару макак в зоопарке.

Маша согласно улыбнулась – ей было все равно, куда и зачем, главное с ним. И чуть удивилась себе, что так быстро, буквально за день прилипла к парню.

Мысль мелькнула и ушла почти незамеченной. Внимание было поглощено Скифом. Ей нравилось в нем все: как кривит рот в усмешке, как говорит, держится, и хриплый голос и даже его вызывающий вид. И стрижка уже не казалась вычурной, через чур эпатажной, наоборот, казалось удивительно ему идет, подчеркивает его личность.

Просто он оказался ужасно милым, прекратив сорить грязными словечками и нападать в каждой фразе.

День – сказка плавно перетек в вечер – была.

Домой возвращались к ночи, на последней электричке. Скиф проводил Машу до подъезда и оба наткнулись на неприветливый взгляд нахохлившегося мужчины у парадного:

– Ты где шатаешься? Мать уже тонну валерианы съела! Трубку брать слабо или уши романтической лапшой о любви и дружбе народов завешаны?! – припустил тот с места в карьер.

– Миша...

– Чего Миша?!

– Миша, познакомься – это Влад! – разозлилась на брата девушка и взглядом просила – прекрати концерт при посторонних.

– Здравствуй! – глумливо расшаркался мужчина, не скрывая наплевать на всех Владов оптом. Схватил сестру за рукав и рывком втолкнул в подъезд. Дверь схлопала.

Скиф хмыкнул: ай, молодца.

И глянул на часы – почти час носи. Ни хрена себе не Петроградку съездили!

Глава 5

«– Щаззз! – вперила руки в бока мать, грозно насупившись. – Сдурела?! Нет у меня таких денег!

– Мама, Дима умрет...

– А мне что, вместо него предлагаешь?! Хороша дочка!

– Мама!..

– Нет!

Варя в панике пыталась подобрать нужные слова, но они не находились.

Девушка не знала, как убедить мать, достучаться до ее разума, вымолить в конце концов, злосчастную сумму. Впервые она столкнулась с серьезной проблемой, и она была вдвойне тяжелей из – за неожиданности. Произошедшее, свалившееся на плечи невероятным грузом, оглушало, мешало мыслить здраво, ориентироваться, взять себя в руки и принять правильное решение.

Девушку трясло, а толку не было.

– Ты головой подумай, дура! Зачем тебе здоровой – больной нужен? – осела мать, пытаясь свое дочери втолковать. – У тебя вся жизнь впереди, сколько еще женихов появится? А ты из – за одного и себе и мне жизнь погубить готова. Чего там с ним – проблемы его родителей. Я ни его, не их в глаза не видела, д и видеть не хочу. Проехали.

– Мама, Дима из многодетной семьи, у них нет денег на лечение...

– А у меня есть? Я те чё, миллиардерша?! Своих забот у меня мало?!

– Мама, Дима может умереть!

– Всплакни и иди дальше!

– Мама, как ты можешь!

– Все, я сказала!! – криком решила взять вверх женищина.

Варя заревела и ринулась в ванную. Взгляд упал на забытый отчимом бритвенный станок и мелькнула шальная мысль: а если шантаж? Схватить лезвие, приставить к запястью и заявить: не дашь денег, порешу себя. И тут же представилось, как мать начинает орать, хвататься за сердце, потом падает в обморок.

Девушка закрыла лицо руками: не выход, только хуже будет. Но что же делать?

Папочка!

Да, они давно не живут с мамой, но он единственный, кто всегда понимал и помогал ей. И не бросил, и звонит, и... он поймет, он поможет!

Варя схватила сумку и выскочила из дому.

– И куда? Куда спрашиваю?! Вернись дурная!! – ринулось в спину, но Варя внимания не обратила. Вылетела из подъезда на ходу доставая сотовый, набрала номер отца:

– Па! Папа!!

– Варя? Варюша, что случилось? – голос отца был полон тревоги. Он впервые слышал дочь настолько расстроенной, голос – убитым, полным слез и горя.

– Пап, мне деньги нужны. Очень! Много! – выпалил, оттирая рукой слезы.

– Эээ... Могу выслать десять...

– Много, папа! Четыреста, а еще лучше – пятьсот.

– Ого! – в трубке стало тихо. Потом послышалось осторожное. – Варя... Что мама?

– Она не дает! Папа! Мне очень надо, вопрос жизни и смерти!

– Варя... ты не повредилась умом? – спросил осторожно мужчина.

– Диме плохо, папа. На лечение надо.

– Какой Дима, дочь?

– Дима! Мой жених! Я же говорила тебе про него!

– Так! Для начала успокойся!

– Ты не помнишь его? Ты даже не услышал меня тогда, да? – ужаснулась. – Он болен!

Понимаешь?! Ему нужно!

– Пусть лечится.

– У них денег таких нет!

– И у нас, – заверил твердо. – Варя, не будь глупой – Дим много, ты одна. Тебя разводят, как дурочку...

– Мы любим друг друга!.. Я прошу тебя, слышишь? Я умоляю, – зашептала жарко, готовая встать на колени прямо посреди улицы. – Помогите. Мы отдадим потом, папа, копить будем, работать.

Виктор Николаевич жестко выдал:

– Медицина у нас бесплатная...

– А лечение платное!

– А причем тут ты или я?

– Хочешь, чтобы я умерла? – прошипела угрожающе. – Если с Димочкой что случится, я жить не буду, понял?! Я думала вы люди, а вы нелюди! Человек умирает, а вы на своих деньгах сидите!..

– Спасибо, дочь! – бросил рассерженно и отрубил связь. У Вари от обиды горло перехватило.

Это до какой степени нужно быть черствыми и жадными, чтобы человеческую жизнь ценить меньше, чем какие-то пятьсот тысяч? И это ее родители? Любимый папочка, любимая мамочка?

Шагу она больше домой не сделает! Ни на один звонок отца не ответит! Пусть поволнуются, может тогда одумаются!

И направилась к Зябликовой. Одна голова хорошо, две лучше. Может Люба что-то дельное присоветует, может сама успокоится и что-то сообразит. Не может быть, чтобы выхода не было, чтобы из – за каких-то паршивых денег вся жизнь в черту летела. Быть не может, чтобы не достать их и не спасти Диму. Он бы точно для Вари, какую хочешь сумму достал и она не хуже, и она достанет, спасет его.

Додавит на мать, получит деньги, а Димочка жизнь.

Но чем дальше от дома, тем тяжелее шаг от понимания: если мама уперлась, хоть кричи, хоть ногами топочи – не сдвинуть, бесполезно. Не даст.

А отец... Ну что отец? У него своя жизнь, другая, в другом городе, другой семье. Когда они последний раз виделись? Лет пять назад? Чужая она ему, чужая...

Что делать? Где денег взять? Она ведь Нанне Федоровне обещала, та надеется, и Дима. Наверняка ему легче от мысли, что не один он, что Варя не отошла, а помогает, что ему, что его матери. И верит в нее, надеется. Не может она его подвести, их будущее по сути.

– Все будет, Димочка, все будет. Я найду, я придумаю, – прошептала, смахивая слезы с лица.

Так и явилась зареванная перед Любой. У той брови под челку уползли:

– Ты чего? Бросил да? – протянула, впуская подругу в квартиру. Одно у той на уме.

Варя головой отрицательно качнула:

– Хуже, – осела на пуф в прихожей, сумочку обняла с испугом и надеждой на Любу глядя.

Зябликова умная, Зябликова рассудительная, опытная, подскажет.

– Чего „хуже“? – оторопела та.

– В больнице он, в реанимации. Пятьсот тысяч нужно на лечение, иначе конец. Где взять?

– Чего? – все больше терялась Люба.

– Деньги! Срочно надо. А сумма не маленькая. У моих есть, точно знаю, да уперлись, жлобы. Ненавижу! – разревелась вновь. Люба насупилась, соображая и рявкнула:

– Тихо! В ванну иди, умойся, успокойся и потолкуем. Варя притихла, лицо оттерла:

– Ничего не понимаю, туман в голове, – призналась, надеясь, что это послужит оправданием истерики.

– Вижу, – проворчала Зябликова, дверь в ванную открыла. – Прошу, только чур, не топиться.

– А я бы с удовольствием, – шмыгнула носом девушка. – Как подумаю... Почему так, а? Ведь все хорошо было! – скривилась, готовая опять разрыдаться.

– Глупые вопросы не задавай, – отмахнулась подруга, запихивая девушку в душевую. Пошла на кухню, кофе приготовила, хлопнула перед Варей чашку:

– Полегчало?

Та лишь вздохнула. В голове от холодной воды не прояснилось и глаза по – прежнему щипало от наворачивающихся слез. Безысходность одолевала.

– Где деньги взять?

– „Где, где“? Заклинание прямо.

– Да хоть криво! Диме плохо, если в клинику не поместить, врачи ни за что не ручаются. Спасать его надо. И всего какие-то пятьсот тысяч!

Люба присвистнула:

– „Всего“, – у виска крутанула. – Это тебе не пять рублей и не пятьсот. Треть квартиры считай или машина.

– Какая-то квартира и человеческая жизнь! Сравни!

– А я что? Что кричишь?

– Ничего. Делать, что не знаю, – сникла. – Мать уперлась – не дам. А у нее есть. Отец... трубку бросил.

Люба подумала и кивнула, ложку облизав:

– Правильно, что не даст. Кто такой Дима? У тебя этих Дим может сотня впереди...

– И ты туда же? Люблю я его, ясно, нет?! А он меня!

– На здоровье!

Девушки надулись друг на друга, посидели и смирили обиду. Люба к Варе подвинулась:

– Что с ним приключилось?

– Почки отказывают.

– О – о – о! Инвалид?

– Типун тебе на язык!.. Да.

– О – о – о, и оно тебе надо? Забей, а? – поморщилась. – Сдалось тебе из – за калеки на ладан дышащего нервы себе портить. Ты б на себя посмотрела, за ним что ли, на тот свет собралась?

– Да, – выдохнула. Подумала и кивнула. – Да! Как я без него буду? Никак. Если с ним, значит и я.

– Внятно. Щедро, – желчно скривилась Зябликова. – Вот на таких дурах мужчины и ездят.

– Сама дура! Сашку Напрыгина напомнить? Кто на ком ездил, кем помывал? И ничего, прощала, глотала. А здесь другое. Дима мне муж почти! Вас послушать – ничего святого. „Брось“ и все! Самое простое, мимо пройти или сбежать. Что получается, значит, пока здоров был – нужен, люблю, а как несчастье случилось – пошел вон, не нужен?! Это что за любовь такая?!

Люба тапкой качала, в окно поглядывая, морщилась, слушая отповедь подруги и не выдержала, хлопнула по столу:

– Хватит! Что наехала? Нет у меня денег, сама знаешь! Были бы, может и дала, – пробурчала, только чтобы Варя отстала. На деле на стороне Полины Яковлевны была – не дала бы, как и она. На фига? Своя рубашка ближе к телу – закон джунглей, то есть жизни. Нормальный закон, странно что Варя о нем не знает. Сдурела с любовью своей.

Варвара поникла, потеряла столешницу, пытаясь отвлечься от тяжелых мыслей. Не получалось. Выходило что ни помощи, ни понимания, ни поддержки ей не от кого не добиться. Как сговорились все.

Слезы сами капать начали, орошая пластик кухонного столика.

– Опять? Хватит тебе реветь. Только опухнешь, а толку не будет. Денег от слез не прибудет и проблема в них не утонет, – нахохлилась Люба, сложив руки на столе.

– Я думала, ты хоть что-нибудь посоветуешь.

– Что? Банк грабануть? Чтобы в итоге тебе в камеру, а Димке твоему в морг? Хороша свадебка будет.

– Что же делать?

– Сказала уже – забить.

– Как можно?!

– А что ты сделаешь?! Откуда деньги возьмешь? Что у тебя есть? Может себя продашь? Нужна ты кому-то. А что еще можешь? Мать достать? Она у тебя женищина крепкая, ей на эту любовную лихорадку начхать и растереть. Да и почему ты должна голову ломать, где деньги на лечение взять? Он кто тебе, Дима этот? Жених? Так вы даже заявление еще не подали. И хорошо! Потом бы поздно было. Тебе возможность дают подумать, показывают, за кого ты замуж собралась.

– Он прекрасный человек! Поэт!

– Ой, – рукой махнула, поморщившись. – Что с этого поэта взять? Больные почки?

– Почему вы такие черствые, расчетливые? Откуда это в вас? Речь о жизни идет, а вы?

– Не обобщай. Считай, он тебя бросил...

– Это я его брошу! Я поступлю подло, если отвернусь, отодвинусь! Он в беде, а я в сторону?! Это нормально, по – твоему?

– Да. Да! Потому что ничего больше ты не можешь!

– Самое простое, сказать „не могу“ и отойти, – процедила Варя. Изнутри злость подниматься начала. – Такое чувство, что я кричу в ухо глухому, пытаюсь открыть глаза слепому и достучаться до разума тупого! Все же ясно, ясно! Нельзя так с людьми, любимых не предают! Я должна найти деньги, должна помочь, хотя бы потому что всем остальным наплевать! Сухари и прагматики!

– Ну и ищи, раз такая продвинутая милосердица!

– А ты бы для Сашеньки своего не искала?!

Люба скривилась и опять в окно уставилась, только чтобы на Варю не смотреть.

– Может мне это больше чем ему надо, – выпалила девушка. – Не могу я отойти, Люба, не по – человечьи это. Как я ему потом в глаза посмотрю, как на себя в зеркало?

– Никак.

– А жить как? Получится, я его, себя, любовь нашу предам.

– И что? Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. И потом, что ты сделаешь? Ничего. Возможностей нет.

– Выход всегда есть, не бывает иначе. Я должна...

– Кому?! Что ты заладила? Димочка, Димочка! О себе подумай. Допустим, найдешь, уж не знаю, каким манером деньги, дальше что? Как ты с инвалидом жить собираешься?

– Как все. Я его подниму. Любовь способна творить чудеса. А у нас любовь. Значит, все будет хорошо, только надо эту неприятность пережить. Возможна она проверка нашим чувствам.

- И ты решила показать себя, пыф!
- Не доказать и не показать, а помочь, что вполне естественно.
- Для кого? Очнись, дура, твой жених инвалид в любом случае. Нафига он тебе молодой, красивой и здоровой сдался? Тебе своих проблем не хватает, чужие взваливаешь?
- Наши, а не чужие!
- Не буду я тебе ничего доказывать, бесполезно, – скривилась Люба.
- Не надо, – согласилась Варя. – Все равно мы друг друга не поймем. Помоги лучшие с деньгами.
- Ага: „не учите жить, помогите материально“.
- Нет, советом.
- С этим вах. Пару идей я тебе уже кинула, большие нет. Варя опечалилась – надежда таяла.
- Люба, но должен же быть выход.
- У родственников займи, если так в ярмо залезть тянет.
- У каких? У дяди Вани? Дадут максимум десять тысяч. Спасет?
- У одних десять, у других...
- И так сорок пять человек. Где их еще взять? – задумалась.
- Я бы на твоём месте, как отдавать, с каких таких доходов подумала.
- Сначала надо Диму поднять, потом о несущественном думать.
- Наивная ты Варька. Отдавать, как раз существенно. Ты заняла, тебе и раскручиваться придется. И кто даст? Ты же студентка. Даже кредит в банке не дадут, нет ничего у тебя.
- А на обучение? – загорелись глаза девушки от пришедшей мысли.
- Максимум сто. А вот матери твоего Димочки кредит взять можно. Сколько ей лет?
- Не знаю, сорок пять, пятьдесят.
- Могут дать. Вот и выход. Скажи, ей пусть кредит берет. В конце концов, сын ее, ей и крутиться.
- Кредит, – протянула Варя, обдумывая. От последних слов подруги отмахнулась – не было для нее отдельно матери Димы, Димы и ее, частью их семьи себя считала. – Телефон у тебя работает?
- Городской? А что ему, работает.
- Варя прошла в прихожую, набрала номер Наины Федоровны, обрадованная, что нашелся оптимальный выход из положения. Однако женицину ее идея не окрылила.
- Не получится. Кредит так просто не дают и быстро не получится. И возраст у меня. Скажи прямо – помочь не можешь.
- Я и помогаю.
- Нет, ты благовидный предлог уйти ищешь. Не ищи – уходи, – вздохнула и заплакала. – Димочке все равно уж, одно к другому. Мало умирает, так еще любимая девушка предает. Ну, хоть мучится не будет, добьешь его. Господь тебе судья...
- Что вы! Не бросаю я его, что вы выдумали?! Я найду деньги, слышите, найду!
- Ну, ну, – вздохнула. – Одна надежда. Ты уж не отнимай ее у меня, подумай каково оно Димочке?
- Я все понимаю, я помогу. Время только надо.
- Да что я, без ума что ли? Тоже думаю, занять вона пытаюсь. Никто не дает. В церкву сбегала, Димочки за здоровье поставила. Авошь Господь поможет.
- Все получится, вы не отчаивайтесь, – „совсем дошла женицину, если по храмам бегают“, – подумалось.
- Дай-то Бог. На него лишь и уповаю. Он – то не предаст, – намекнула. Варе неприятно было, не за что ни про что в каких-то гадостях обвиняют. Но смолчала. – Звони.

И положила трубку.

– Ну, чего? – пристала Люба.

– Плохо ей.

– Ага. А тебя супер хорошо? Молодец маманя у твоего любимого, кинула на плечи невестке проблемы и в ус не дует. Класс пристроилась. Ух, семейка. Куда же ты ляпаешься? Очнись, Варя. Они по жизни так ездить на тебе будут.

– Ну, бог даст, таких проблем больше и не будет.

– У – у, ты помолись еще.

– Кстати, идея. Может, мысль какая придет?

– Точно, благотворитель найдет и отсыплет тебе нужную сумму прямо у иконостаса. На меня сотню другую прихвати, у меня может тоже что-то болит, что-то отваливается.

– Совесть...

– Или наивность. Сегодня не этот товар в цене.

– Ты мне еще о рентабельности, ажио и прочей мурне расскажи, – надела туфельки Варя.

– Я что? Из меня тот еще лектор. Но жизнь круче любого препода уроки дает. Только „бублики“, нуды ты не в зачетку получишь.

– Отстань, – вышла из квартиры. Не о чем говорить. Думала подруга, поймет, поможет, а Люба как мама, только ворчать да всякий вздор городить. Мелочные, прагматичные – тьфу!

– Ты не человек, счетно-вычислительный центр. Только жизнь не считаешь.

– Посмотрим.

– У меня все получится. Дима поправиться и мы еще свадьбу сыграем, детей родим.

– Угу, – в глазах холод и насмешка: мечтай.

– Вот увидишь.

– Главное чтобы Дима твой увидел. И оценил. Только ценить мужчины не умеют, а пользоваться – легко.

– Циник ты.

– Угу. Попутного ветра иллюзий под крылья, – схлопала дверь Люба.

С одной стороны она не понимала Варю, где-то осуждал и даже смеялась над ней, но в то же время завидовала: надо же так влюбиться? И Димка ее правд неплох, влюблен в нее по уши. Поэмы писал – куда Байрону? Вот бы Люби хоть раз, хоть пусть такой же заваливающий и хилый Дима стих посветил. Может, тогда свет в окошке у нее появился, смысл в жизни другой был и цинизма этого, в котором Варя ее обвиняет, поубавилось?

А впрочем, он ей не жмет, очень даже помогает, от лишних проблем избавляет. А к чему Варькин романтизм да идеализм приведет, еще не известно. И Дима ее неизвестно кто. Подумаешь два года переписывались, стихи писал. В натуре-то месяц всего и знакомы, а смотри, проблем уже по макушку. Что дальше будет, гадать не стоит. Умоется Варька наивностью своей, ежу понятно.

Дура! – фыркнула в свое отражение. Но себе или подруге ушедшей сказала, сама не поняла».

Глава 6

«Варя разрывалась от жалости ко всем: себе, Диме, его матери. Ревела и все мучила мозг в попытке что-нибудь придумать. Дошла – молиться начала. Ночами не спала, просила Бога, чтобы он Диму спас. Но и это не помогло.»

Три дня прошло – толку не было. Полина Яковлевна упорно не хотела слушать дочь, тем более свои кровные на какого-то Диму тратить. И как та не наседала, не молила, не заверяла и упрашивала, свое все Варе толковала: „брось. Не нужен он тебе“. Жанна тоже, как Люба и мать говорила. Наина Федоровна вздыхала, плакала, и то упрекала Варю, то обвиняла неизвестно в чем, то все разом прощала, счастья желала. И все ныла, какой же Димочка несчастный, как же пожил мало, словно хоронила его, будто руки опустила, отдавшись на волю случая.

Варе нестерпимо было слушать ее, еще более в больницу приходите и слушать врача, который ничего нового не говорил, но становился все более сухим и не вежливым, смотрел откровенно, как на идиотку. И вот прямо сказал: „терапия не помогает. Готовьтесь“.

Варвара в шоке вышла из больницы, пошла, не ведая куда и чуть под машину не попала, но даже внимания не обратила на то.

– Косицина! Варька! Ты чего под колеса лезешь?! – окликнули ее. До девушки не сразу дошло, что к ней обращаются. Обернулась – Зоя Федорова на нее смотрит, ухмыляется. – Что как во сне ползешь?

– А, привет, – бросила вяло и уйти хотела.

– Эй, стоять! Залазь, подвезу, – кивнула на сиденье рядом.

– Не надо...

– Садись, говорю! Нечего аварии на дороге устраивать. Ползешь как жук по солнцепеку, ни черта не видишь. Случилось чего? – дверцу распахнула.

Варя помялась и села:

– Случилось, – вздохнула.

– То-то я смотрю ты и в технаре как вареная, – протянула Федорова, острым глазом оглядев девушку. – Ты ела?

– Что? А! Нет, не хочу.

– А я хочу. Ты меня чуть не сбила, с тебя причитается – пообедаешь со мной.

Варя хотела напомнить, что это Зоя ее чуть не сбила, но не стала, не хотелось и смысла не видела. Равно на все было.

Машина двинулась по дороге.

– Нет, ну сюрприз! Хорошую бы свинью ты мне подложила, под колеса попав. Я второй день за рулем, еще даже не обмыла подарок, а тут ты – ДТП вместо праздника! Ха!

Варя поерзала, оглядываясь: хорошая машина, новая. Стоит наверное немало. А если у Зои денег попросить?

– Зоя, у тебя деньги есть?

– А ты как думаешь? – рассмеялась, лихо обходя „волгу“.

– Ты не могла бы мне одолжить?

– Сколько? – спросила деловито.

– Пятьсот. Можно четыреста.

– Не проблема. Сумочку возьми, там в кармашке пятисотка.

– Нет, мне... – как же тяжело просить, как безумно тяжело сумму выговаривать и видеть как вытягиваются лица, а потом... Потом одно и тоже: „да ты что?!“ „Не проси, нет такой суммы“. И все же надо пытаться. Наина Федоровна руки опустила, а Варе нельзя, иначе Диме точно не выбраться. – Мне не сотен – тысяч.

Зоя помолчала и спросила:

– Повтори?

– Пятьсот тысяч. Хотя бы четыреста.

– И все?

– Все.

– Не мало?

– Нет.

И только тут поняла, что Федорова издевается над ней. Отвернулась к окну, слезы пряча. Сами из глаз ринулись, привычным маршрутом.

– Э-э! А ну, без сырости! Рассказывай, давай!

– Что?

– Все! – приказала.

Варя долго молчала, слова подбирая, сомневаясь стоит ли однокурснице проблеме ее знать. Но что от этого меняется? Промолчи, Зоя точно денег не даст, а они у нее есть – не скрывает.

И начала рассказывать, трудно сначала, скованно, потом все более эмоционально. Выплеснула все и затихла, с благодарностью и надеждой на Зою поглядывая. Не прервала, не бросил как другие „забудь“ – выслушала. Для Вари это уже хороший знак, почти победа, почти прорыв.

Машина встала на стоянку у кафе и только тогда Зоя посмотрела на Варю:

– Дела, – протянула. Оглядела ее с ног до головы, словно взвесила и ценник на лоб прилепила, и кивнула. – Вылазь. Примем по кофе и коньячку, пирожным зажуем и что-нибудь сообразим.

Варвара на радостях подпрыгнула, слова поперек не сказала. Ринулась за ней как собачка за хозяйкой и с тем же преданным взглядом. Зое он явно понравился. Она, расправив плечи вышагивала, как королева, оглядывая людей сверху вниз, игриво улыбаясь мужчинам, снисходительно косясь на Варвару. В кафе вплыла, с надменностью элитной особи сделала заказ и снисходительно уставилась на сжавшуюся в кресле Варю:

– Чего, как сирота казанская? Съедят тебя, что ли?

– Нет, но... Красиво здесь.

– Ага, – хохотнула. – Обычно. В „Уругвае“ красиво, да.

– Уругвай?

– Ресторан, тетеха! Нет, ну, упасть не встать! Тебе сколько лет, деточка? Как с Луны в кафешку свалилась.

Варе без этих замечаний неуютно было. Мало заведение красивое, дорогое, рядом Зоя вся из себя, сверкает как подсветка на стене и очень гармонично с интерьером кафе смотрится, в отличие от невзрачной Вари, которая здесь себя не просто тлей, куколкой тли себя почувствовала, так еще в дополнение к конфузу, предметом насмешек, отсталой, как средневековая монашка. Она действительно не знала, как сесть, как себя держать, чтобы незаметно и в тоже время, уверенно. Зоя же в этом не помогала, только сильнее в стыд вгоняла. А подумать – что здесь такого? Ну, не довелось ей в кафе сидеть, по ресторанам ходить. Криминал, что ли?

Зоя тем временем подкурила тонкую сигаретку, Варю томным взглядом одарила:

– Значит, говоришь, любимый в беде? Деньги нужны? А взять неоткуда: никто не дает, продать нечего.

– Да. Кредит хотела – восвоеси отправили.

– Что так? – улыбнувшись, бровку выгнула.

– С двадцати трех и только при наличии трудового стажа не менее трех месяцев.

– Ох, ты, – улыбнулась шире, а сама как лиса щурится. – И что делать думаешь?

– Не знаю, – вздохнула девушка.
– Любишь-то сильно?
– Себя бы отдала, если б взяли.
– Ах, ах, – рассмеялась и, встретив недоуменный взгляд Варвары, легонько погладила ее по руке. – Не сердись. Мы ровесницы с тобой, а словно мама с дочкой. Слушаю тебя и умиляюсь. И удивляюсь. Надо же, не вывелись декабристки да Джульетты на Руси. Виват. Завидовать в пору.

– Чему тут завидовать?

– Так, чужим. А скажи мне Варвара, возлюбленный твой достоин твоих хлопот, переживаний, самопожертвования?

– Да, – ответила не задумываясь.

– Какой он? Любопытно, извини, по каким – таким невероятным героям у нас головы сносит настолько, что чужие заботы без оглядки на себя взвалить готовы?

– Он поэт. Очень тонкочувствующий человек. Умен, силен. Хозяйственный, дальновидный.

– Кладезь достоинств, – вяло хлопнула в ладони Зоя. – Бис. Где ж ты сокровище такое нашла?

– По переписке.

– Это как?

– Подружка школьная с одним из армии переписывалась и мне предложила. Я взялась. Интересно было и потом, жалко их. Далеко от дома, одни, служба. Тяжело.

– Короче, решила поддержать и освоила эпистолярный жанр.

– Да.

– Ты точно Татьяна Ларина. Про скайп, чаты – слышала?

– Нет, это он Онеги, — отмахнулась от последней ремарки – письма романтичнее: но Зое все едино не понять. — Знаешь, какие поэмы писал? Невозможно не влюбиться.

– Какие? Умираю от любопытства. Не думала, что в наше время такое еще есть. Чат, мыло, виртуальные знакомства – понятно, но переписка нормальными письмами – нонсенс.

– Реальность. Что удивительного?

Зоя подбородок ладонью подперла, изучая Варю как нечто небывалое, впервые его встреченное.

– То и удивительно, лапа моя, что не каждая до такой степени себя недооценивать будет. Ты кем себя считаешь? Крысавицей? Письма писала, замуж выйти готова. А ничего, что инвалид оказался? Ничего, что ты со своей внешностью Дим таких штабелями укладывать можешь, ничуть не печалась и ерундой не заморачиваясь.

– Я люблю его, – твердо сказала Варя. И Зоя туда же! А она-то подумала, наконец-то хоть один нормальный понимающий человек встретился.

– Не сердись. Любишь – на здоровье. Вопрос, как его здоровье выправлять будешь?

– Не знаю, совсем не знаю, Зоя. В больницу идти уже боюсь. К Диме не пускают, а говорят такое, что после, ни дышать, ни есть, ни спать не могу. Сегодня заявили „готовытьесь“. А как так? Как же к этому можно готовыми быть? И что делать? Ума не приложу. Но ведь есть выход, не может его не быть, не бывает так!

Официантка расставила заказанное на стол, прерывая Варю и давая ей возможность немного успокоится, иначе скатилась бы опять к слезам.

Зоя сахар в чашку сыпнула, помешала и спросила, между прочим:

– Уверена, что продать нечего?

– Разве что серьги с китайского рынка.

– А красоту? Она ведь тоже товар, – хитро глянула на нее девушка. — С твоими данными и по деньгам плакать?

– Это... на панель что ли? – удивилась и возмутилась Варя.

– Зачем? – изумилась Зоя, рассмеялась звонко, до слез. – Слово-то какое выискала „панель“! Бог мой, Косицина, отсталость ты моя дремучая! Да не ты за мужчинами, а мужчины за тобой бегать должны, обеспечивать. Ты на себя-то глянь – хороша. В порядок только приведи и косяками желающие пойдут, серенадами замучают, подарками закидают. Вопрос, нужен ли тебе тогда Дима твой будет?

– Глупости не говори, – попыталась придать себе оскорбленный вид девушка. А у самой даже уши алели – ну, Зойка, ну, выдала! Как язык повернулся? Что в голове у нее? – Я замуж собираюсь, остальное мне без надобности. Может иначе кому и нормально, а мне нет.

Федорова прищурила глаз, в котором зажегся нешуточный интерес:

– Ты, лапа моя, не девственница ли еще?

– Не твое дело, – огрызнулась, покраснев еще гуще. Взгляд сам в стол уперся – стыдоба такие вещи с кем-то обсуждать.

– О – о! В точку?! – Зоя даже поддалась к ней. – Ну, мать... – подумала и ладонью хлопнула. – Идея! Говоришь продать нечего? А я берусь продать тебя. Одну ночь с тобой за пятьсот тысяч. Одна ночь и ты с деньгами, Дима твой с почками, а я... Десять процентов.

– Сдурела!..

– Хорошая цена. Меньше никто не возьмет, а больше...

– Я о предложении!

– А что предложение? Спорю, лучше не слышала. Ты подумай, какая разница твоему Диме девушкой ты ему достанешься или женицной? А тебе как лучше: девочкой жениха хоронить или женицной с ним свадьбу сыграть?

Варя руки к горящим щекам приложила, желая их остудить: ну, Зоя, ну!..

– Думай, – подкурила сигаретку. – Одна ночь и все проблемы решены.

– Кто даст такие деньги?

– Это моя забота. Твоя решить: хочешь, чтобы любимый жил или нет. Хочешь, значит, не кочевряжись. Насиловать тебя никто не собирается и не рота, а один тебя покрутит. Ночь потерпишь, ничего, может еще понравится. А утром я тебе выдаю четыреста пятьдесят и летишь ты как машина скорой помощи на спасение своего поэта – романтика.

Заманчиво, но решиться на такое?

Варя ни жива, ни мертва сидела.

– Дело предлагаю, а твое ужэ „да“ сказать или „нет“. Нет, ну и гребни, как знаешь. Я что могла, сделала, извини. А „да“ – тогда я кручусь. За полтинник стоит. Подберу тебя мужчину ласкового, в обиде не будешь. Раз и все. Может и не справится еще. Тогда Дима твой порадует. Ты пойми, мне, в общем, все равно: не хочешь, как хочешь. Я по человечески тебе помочь хочу и здраво мыслю. Иначе быстро ты такую сумму не найдешь. Загнется твой милый. А этот способ верный. Девочка ты видная, приодеть не проблема, мой гардероб перетрясем. Товар – твоя фигура и лицо – это одно. Но есть у тебя другое, что очень многим в новинку. Нравы-то нынче – сама в курсе. Девочек не видели, о них как о древних рыцарях только слышали. Желающих будет море, только свистни. Отвалят пятисотку вмиг, гарантирую.

– Где же такие идиоты встречаются? – сипло от растерянности и смущения спросила Варя.

– С идиотами вы встречаетесь, а я в других сферах кручусь. У меня женихи денежные, с головой дружат, на ногах крепко стоят, заморочек вроде фигни всякой не имеют.

– Старики.

– А что с ровесников взять? Проблемы разве только. Так их и без них найти можно, если ума нет. Я ведь, как и ты, из той еще семейки. Маман с папан две копейки получают, а еще сестрица на шее с внучком сидит. На кого надеяться? На себя, лапа моя. А тут ум нужен, опыт. Тебе много помогли, подсказали? Попинали, наверное, словесно и отгребай как хочешь и

куда знаешь. Легче стало? Я по той же тропке шла и не жалею. Сейчас ни от кого не завишу, денег хватает, жизнь радует. Диплом скоро будет – устроюсь в фирму к одному знакомому, буду получать законные, да такие, что вам не снились. Плохо скажешь? Проститутка? Не – а – гетера. Я себе цену знаю и не продаюсь. Сама партнера выбираю. Я люблю, а за что – мое дело. Главное, что любовник думает, что люблю его, остальное частности. Между прочим, это целое искусство мужчин за причинное место держать и всегда были те женщины, которые это умели. Их богинями считали, а не проститутками.

– Зоя, но... не могу я. Как мне Диме потом в глаза смотреть?

– Тогда не смотри. В гроб ляжет – в лоб поцелуешь. Да не смотри ты так! Сама язвить заставляешь глупостями своими. „Как смотреть“! Как герой на спасенных – открыто! Ты ему жизнь спасаешь и цена здесь значения не имеет. Ты собой жертвуешь! Любит – поймет, а нет... Зачем ему вообще о том знать? – плечами пожала, сигарету затушила. – Короче, решай. Время, как я понимаю, против вас играет. Сейчас не решишь, завтра для твоего поздно может быть. Мне тоже нужно пару – тройку суток, чтобы клич кинуть и кандидатов отсеять.

– Это как?

– Просто! Аукцион. Слышала? Лот номер один – девственница. Начальная цена четыреста тысяч. Кто больше? – хохотнула, коктейль через соломинку потягивать начала.

Варя поежилась. Кофе хлебнуть хотела – руки дрожат. Брякнула чашку на место.

– Видно не любишь ты его.

– Люблю!

– Тогда что передергалась вся? Я тебе спасти его предлагаю, реально. Деньги фактически на халяву. Сегодня ага, завтра твой разлюбезный уже в клинике. Думай, Варвара. Любовь это тебе не суики вместе грызть у окна, это радость и беду вместе делить, собой жертвовать ради любимого, не за благодарность, от души, со всех щедрот. Способна ты на жертву ради любимого?

– Да, но... Мне подумать надо.

– Думай. Чем больше тянешь, тем ему же хуже делаешь, – заметила с напускным равнодушием.

Зоя загорелась от мысли, что может хорошо заработать на этой лопушке Косициной. Лишь бы не сорвалась дырочка. Конечно, жирно ей четыреста пятьдесят отламывать, но с другой стороны сто пятьдесят, двести в легкую себе в карман положить – не каждый день получится. Деньги на дороге не валяются.

Если хорошо разрекламировать и нужных людей зацепить, может и триста в карман лягут. А это уже что-то. Как раз на квартиру в центре халявная добавка.

Размечталась Федорова, улетела в светлое будущее, где и квартира у нее на Московской улице, напротив „Сити-центр“, „инфинити“ под окнами, непывльная но прибыльная работа в фирме Ашота и полная свобода действий.

Варя же пыталась с волнением справиться и что-то решить, но мысли буксовали в эмоциях и дальше не шли.

Спору нет – возмутительное предложение. Чего она от Зои еще ждала? Что вообще от нее можно ждать?

– Кинешь, – просипела.

– Нет, – и призналась честно. – Могла бы, но слышала где-то: жадные дважды платят. Не раз убеждалась – так и есть. Поэтому по справедливости действую. Тебе твое, а мне сверху за хлопоты. Без обид.

Варвара кофе выпила лихорадочно соображая. Была бы у нее хоть еще одна дельная идея, даже задумываться не стала, но случилось, как случилось и ясно – помощи ждать не от кого. Значит, соглашаться?

А как там будет, что? Как можно с незнакомым в постель, как можно продать себя? Что Диме скажет потом, как жить будет?

А как другие живут? Как она станет, если Дима умрет? Она же не простит себя. Да как она без него?

– Одна ночь? – уточнила.

– Одна. Дальше как сговоритесь. Захотите опять встретиться – ваше дело, нет, тоже ваше.

– Но если даже не знаем друг друга?..

– В том и фишка. Что ты нервничаешь? Нормальное дело. Сколько девственность за просто так теряют и ничего, живут не печалься. А тебе почти пол лимона за это светит, решение проблемы. Другая бы радовалась – эврика! Одна ночь и ты в дамках: деньги, Димочка твой живой здоровый и ноль хлопот.

– Ты пойми, я же никогда, ни с кем...

– Валерианы что ли дать? Трясет всю. Нервная ты, Варвара. А что переживаешь? Доедай пирожное, домой поедем, подвезу, телефон свой тебе оставлю. Надумаешь – позвонишь, а нет – мне-то? Проблемы нештучные не у меня нарисовались – у тебя. Твоей голове и болеть.

– Не хочу, – отказалась от сладкого. Куда там что-то съесть? От волнения кофе в желудке плясало, кинь еще что-нибудь и опозорится – стошнит тут же.

– Как хочешь. Счет, – помахала официантке Зоя.

Домой молча ехали. Варя, сжавшись, как больная язвой желудка, сидела и все мечтала от волнения избавиться и хоть что-то сообразить. Федорова к ней не лезла, понимая, что спугнуть может.

Только у подъезда спросила:

– Сотовый есть?

– Есть.

– Записывай, – номер продиктовала. Варя вбила его в записную книжку и домой пулей, в душ. Благо никого дома не было, не пристали, чего зеленая такая и летишь ног не чуя?

Приняла ванну и чуть успокоилась, соображать начала. Первая мысль была Любе позвонить, посоветоваться. Но как возникла, так и ушла – нельзя никому о том знать, а то согласиться, дойдет потом до Димы. С другой стороны, Зоя права – не за себя же, не для себя. А раз так, то и не продажа это, не проституция – вынужденный шаг для спасения не только Димы – их будущего.

Как не крутила, выходило, что иного пути нет. Осталось в руки себя взять, „да“ сказать, настроиться и пережить уготованное. А потом забыть, вычеркнуть из памяти.

Но получиться ли? Страх какой с незнакомым что-то иметь!

Звонок Наны Федоровны поставил последнюю точку на метаниях.

– Здравствуй дочка. Деньги – то нашла?

– Я... найду. Пару дней еще надо.

– Ох! Да мне-то, я – то все понимаю. Болезнь Димочкина не понимает. Переживет ли он эти пару дней? – заныла женщина.

– Будут деньги! Я сказала – найду!

– Ну дай Бог, дай Бог. Не опоздать бы. Каждый же час последним может быть. А уж как мучается Димочка, как же ж он переживает? Ты уж не подведи, голубка, надежда ты наша...

– Не подведу. Будут деньги. И решила, набрала номер Федоровой.

Но „да“ далось с таким трудом, что Зоя не сразу поняла, что Варя сказала. Повторить пришлось:

– Да! Согласна!

– Ох, и дурная ты. Чего кричишь, нормально сказать нельзя? А с голосом что?

– Это... от страха.

– Н-да? А чего боишься? Все через это проходят, ни одна не умерла, – хохотнула Зойка.

– Тебе хорошо насмехаться...

– Ты упрекаешь, что ли?

– Нет, – испугалась Варя: обидится еще, пошлет ее и тогда денег не найти, Диме не выкарабкаться.

– То-то, – прогудела Федорова. – И учти, поезд пошел.

– То есть?

– Работа пошла! Я аукцион начинаю и по – любому ты мне за хлопоты пятьдесят должна будешь. Откажешься – будешь деньги, как хочешь доставать, но с ченчем для меня. Так что смотри. Я к тебе по-серьезному и ты малолеткой не будь. За кидалово наказывают строго.

– Получается, если передумаю...

– Не четыреста пятьдесят, а пятьсот искать будешь. И учти, я, как и Дима, ждать не могу. Не люблю. А теперь план слушай, он прост. Завтра после занятий ко мне съездим, подберем тебе шмотку, чтобы как человек смотрелась. Дальше уже скажу когда, кто и где. Сведу вас. И учти еще одно – под клиентом штучки из серии „не хочу“ и „передумала“ не выкидывай, не в твою пользу. Знакомцы у меня люди серьезные, поломать могут, если не тебя, то меня, а мне это, сама понимаешь, не нужно. Счетчик включу и не как с подруги спрошу. Я ручаться за тебя буду и мне не в кайф, чтобы из – за тебя и моей доброты мне потом неприятности вместо денег и благодарности приплыли. Ясно?

– Ясно, – совсем голос у Вари сел.

– Не сипи там. Выкобениваться не будешь, все путем пройдет и к общему удовольствию. Ладно, потом проинструктирую, завтра. Сейчас дел невпроворот, столько поднять надо. Пока, подруга, – хохотнула и связь отключила. Варя так и осталась с телефоном в руке сидеть.

Страшно стало – зачем согласилась?

А не согласилась бы – где деньги искать? Как завтра в больницу идти? Придет, а там Колыванов скажет...

Нет, – волосами потряхнула: что сделано, то сделано. Времени, правда, нет. Каждый час против Димочки работает. Если б не это, можно было бы в инете объявление разместить, у людей денег на лечение попросить.

Только пока нужная сумма накопится, Диме она может уже не пригодиться.

Все правильно, – уверила себя Варя. Перетопчется она, переживет, выдержит. Главное итог – Дима живой и здоровый. А там разберутся. Любят они друг друга, а любовь любые испытания выдержит и от них лишь крепче станет.

Конечно, Диме знать ничего не надо, а то ведь замучается совестью. Себя в случившемся корить начнет. Он такой».

Глава 7

«Белая кофта с разрезами на рукавах, короткая юбка и туфельки в стразах ей удивительно шли. Варя с изумлением рассматривала себя в огромное зеркало Зоиной прихожей, и не верила, что видит себя. Перед ней была совершенно незнакомая девушка: высокая, стройная, красивая.

– Н-да, – протянула Федорова оглядывая дело рук своих и выдала. – Конкурентка. Просто девочка – конфеточка. Понятно, как нужно одеваться, лапа моя? – и выдала сундучок с косметикой. – Завтра макияж самостоятельно повторить, а это выкинь, – отдала заколку для волос. – Укладка пару дней продержится. Завтра в таком виде придешь – все курсы у ног лягут, включая преподов.

– Завтра? – ужаснулась Варя.

– Завтра. Ты оказалась ходовым товаром. Прямо с руками оторвали, только свистнула. Геминопластику, что ли сделать? – протянула, задумчиво Косицину рассматривая.

– Это что?

– Ничего, дремучесть, – буркнула. – Иди.

– Домой?

– А куда?

– А завтра?

– А завтра ой. Вечером стулья, утром деньги.

– Зоя, скажи по – русски.

– А я по-каковски? Завтра твой клиент прибедет, посмотрит на тебя. Аукцион еще работает, но он как вцепился, так не отпускает и вряд ли даст тебя перехватить. Ну, и что ждать? Глянет на тебя завтра, потусуетесь, а там как пойдет. Сладитесь, ночь отведешь – утром деньги получишь.

– От него?

– От меня.

Фу, ты, – мысленно перекрестилась.

– А кто он? Как зовут?

– Мужчина. Зовут, как назвали. Завтра увидитесь – сама спросишь, – подтолкнула к выходу. – Коленца выкидывать не вздумай – порвет, как грелку.

– Это как?

– Лучшие не знать, – отмахнулась, за дверь выставляя.

У Вари сложилось впечатление, что Зоя чем-то очень недовольна. Но она не могла допустить мысль, что Федорова недовольна собой, тем предприятием, которое затеяла. Косицина оказалась смазливей, чем она предполагала и востребованной, чем могла подумать. Таким образом, ее нечаянная возможность подзаработать, грозила лишит ее постоянного дохода, если Варя вздумает пойти по ее стопам. Правда та пока дура душой, но и Зоя в свое время такой же была. И боялась и зажималась, моральные костыли с собой таскала – было. Прошло. Как снег по весне кануло. Сейчас вспомнить – смешно и грешно. И все же чуть больно, что не вернется та Зоинька, пусть глупая, пусть наивная, но чистая, во что-то заоблачное верящая.

– Надо было Вердыгина ей подсунуть, – вздохнула, поправляя выбившийся локон. Оглядела себя в зеркало и опять вздохнула: с Томом не поспоришь. А взял тот с места в карьер, будто только такого предложения и ждал.

Даже подозрение образовалось – не жениться ли часом собрался? С него станется.

Придется Зое деньгами довольствоваться.

Триста пятьдесят, что ей уже сегодня обламывается – повод меньше голову дурным забивать. Каждому свое».

Максим похолодел и захлопнул дневник.

Куда же ты ляпаешься, дурочка, куда? – так и хотелось закричать, остановить девчонку. Но понимал – поздно, понимал – не повернуть, не вернуть – все уже случилось.

Том? Если тот Том?..

С чего он взял? Томов много, во всяком случае, не один.

Мужчина сварил кофе, побродил по кухне, пытаясь привести в порядок мысли взбудораженные прочитанным, и опять сел читать.

Глава 8

«Варя шла по улице, не замечая пристальных взглядов прохожих.

Завтра, – билось в голове. Жизнь как-то удивительно быстро покатилась и куда – думать страшно. Будущее, еще вчера понятное, ясное, хорошо выверенное и четко обрисованное в воображении, покрылось туманом неизвестности, как в кривом зеркале, меняя очертания.

Девушка понятия не имела, как случится завтра. Ей представлялась масса вариантов и каждый бросал в дрожь. Почему она раньше не подумала, какие у Зои знакомцы могут быть? Тот, что подвозил их зимой, дядечка приятный, но как подумает – с ним, передергивает всю. А если не он, ему подобный – старый, с отдышкой, полный? Чужие руки, которым она продавалась, представлялись когтистыми лапами, как в каком-нибудь триллере. Лица – ужасными масками, то что от Вари ожидалось – пыткой.

Может реланиума напиться, чтобы проще было? А сколько он действует? Зоя сказала – ночь, до утра ей с этим мужчиной, а что Варя маме скажет? Не дай Бог еще мать что-то пронюхает, беды не оберешься. Запилит ведь, задавит своими выволочками, скандалами, душу вывернет. Прилепит дочери гадкий ярлык и будет тыкать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.